

v-16702

VII A - 928

3e

Ю. Д. Филишовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ КАПИТАЛИЗМЪ.

Взглядъ на ближайшій необходимый этапъ въ развитіи
современнаго хозяйственнаго строя, въ связи съ кри-
тикою основъ научнаго социализма.

Докладъ, читанный 8-го іюня 1920 г.
въ Ревельскомъ Юридическ. О-вѣ.

Г. ЮРЬЕВЪ

1920 г.

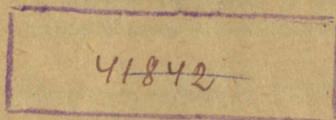
VIII A-928 Dpl.

Ю. Д. Филипповъ.

КЪ ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ КАПИТАЛИЗМЪ.

Взглядъ на ближайшій необходимый этапъ въ развитіи
современнаго хозяйственнаго строя, въ связи съ кри-
тикою основъ научнаго социализма.

Докладъ, читанный 8-го іюня 1920 г.
въ Ревельскомъ Юридическ. О-вѣ.

ЛІТЯЛ
ВАЛМА

Г. ЮРЬЕВЪ

1920 г.

Печатано въ типографіи Ю. Д. Филиппова въ Ревелѣ.

Оглавление.

	Стр.
Нѣсколько предварительныхъ словъ	7
I. Введение. Утопическій и научный социализмъ. Элементы последняго и общая его характеристика	9
II. Матеріалистическое пониманіе исторіи. Пролетаріатъ и интеллигенція	17
III. Ученіе о капитализмѣ, какъ о системѣ, направленной на эксплоатацію труда	26
IV. Ученіе о капитализмѣ, какъ о системѣ противорѣчій . .	37
1. Теорія анархичности общественнаго хозяйства	39
2. Теорія индивидуальнаго присвоенія	39
3. Теорія обнищанія пролетаріата	41
4. Теорія концентраціи капиталовъ	47
5. Теорія кризисовъ	49
6. Теорія самоустраненія буржуазіи и перерожденія конкурренціоннаго капитализма въ монополисти- ческой	50
V. Итоги критики научнаго социализма	57
VI. Государственный капитализмъ	58

Прежде чѣмъ приступить къ самому докладу, я позволю себѣ сдѣлать маленькое предварительное разъясненіе.

Въ связи съ основной темой, избранной мною для сегодняшней бесѣды, мнѣ приходится много говорить о капиталистическомъ строѣ хозяйства или просто о капитализмѣ. Я слѣдую при этомъ установившейся научной терминологіи и нигдѣ не указываю, что именно я подъ этимъ понятіемъ разумѣю. И вотъ, считаю необходимымъ пояснить, что говоря о капиталистическомъ строѣ хозяйства, я имѣю въ виду хозяйственный укладъ, который пришелъ на смѣну средневѣковому мелкобуржуазному городскому строю хозяйственныхъ отношеній, но прочно утвердился даже въ экономически передовыхъ странахъ не ранѣе конца XVIII и начала XIX вѣковъ, чтобы тѣмъ пышнѣе обнаружить заложенные въ немъ возможности въ теченіе слѣдующихъ ста лѣтъ. Этотъ хозяйственный укладъ, покоющійся на взаимодействіи частнаго капитала и труда по найму и отличающійся, несмотря на свойственную ему антагонистичность, необыкновенною внутреннею силою, я считаю современнымъ, совершенно игнорируя то обстоятельство, что міровая война, возгорѣвшаяся въ 1914 г. и продолжавшаяся пять лѣтъ, оставила отъ прежняго экономическаго уклада и прежней налаженности экономическихъ процессовъ одни только намеки на старое благополучіе, а ураганъ революцій, довершая злое дѣло разрушенія, довелъ нѣкоторыя страны, какъ напр. Россію,

до полного экономического развала и истощения. Я считаю себя въ правѣ игнорировать въ своемъ изслѣдованіи послѣдствія войны и революцій по той простой причинѣ, что капитализмъ, какъ міровая экономическая система, не смотря на невѣроятныя потрясенія, все-же, вопреки стремленію Москвы, уцѣлѣлъ, и механизмъ его, несомнѣнно, по прошествіи нѣкотораго количества лѣтъ, снова заработаетъ тѣмъ же математически точнымъ способомъ, какимъ онъ работалъ наканунѣ войны.

Капитализму, въ качествѣ исторической категоріи, только-что охарактеризованной, я противопоставляю комплексъ идей, образующихъ такъ назыв. „научный социализмъ“, причемъ и въ этомъ случаѣ совершенно отрѣшаюсь отъ тѣхъ цвѣтовъ этого ученія, которые принесены намъ послѣдними годами испытаній. Научный социализмъ трактуется мною какъ критическое ученіе, направленное противъ капиталистическаго строя хозяйства и пытающееся на основаніи подмѣченной въ немъ тенденціи развитія предугадать вѣроятное будущее, навстрѣчу которому мы идемъ. Тщетно было бы, поэтому, искать въ моемъ докладѣ какихъ либо параллелей между капиталистическимъ строемъ и тѣмъ коммунистическимъ, который такъ безславно насаждается сейчасъ въ несчастной Россіи. Моя задача иная. Я стараюсь показать, что научный социализмъ, увлекшись критикой капитализма, готовитъ послѣдному преждевременныя похороны, что капитализмъ еще не изжилъ себя, но что въ немъ произошла нежелательная эволюція, которая требуетъ извѣстнаго корректива, правда очень существеннаго, но все-же только корректива, а не ликвидаціи вполне жизнеспособнаго организма.

Вотъ тѣ замѣчанія, которыя я считалъ необходимымъ предпослать своему докладу, чтобы предупредить возможныя недоразумѣнія.

I. Введеніе. Утопическій и научный социализмъ. Элементы послѣдняго и общая его характеристика.

Какъ извѣстно, Карль Родбертусъ-Ягцовъ, одинъ изъ предтечей научнаго социализма, писавшій въ серединѣ прошлаго столѣтія, признавалъ социалистическій строй стадіей общественнаго развитія, наступленія которой въ Европѣ слѣдуетъ ожидать не ранѣе, какъ черезъ 500 лѣтъ. Карль Марксъ и Фридрихъ Энгельсъ, которымъ удалось уже въ своемъ знаменитомъ „Коммунистическомъ манифестѣ“ (1847) придать научному социализму форму законченнаго ученія, издѣвались надъ этимъ мнѣніемъ Родбертуса, и однако, ни Марксъ, ни Энгельсъ не склонѣ своихъ лѣтъ, изучивъ глубже вопросъ, не вѣрили больше въ возможность осуществленія конечныхъ социалистическихъ идеаловъ въ ближайшемъ будущемъ, полагая, что для такого осуществленія требуется еще нѣкоторое дальнѣйшее развитіе капиталистическихъ обществъ. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ Августъ Бебель, открыто заявившій на одномъ изъ партейтаговъ, что внушать пролетариату вѣру въ близкое пришествіе социализма равносильно либо глупости, либо обману, такъ какъ для перехода къ общественному укладу на социалистическихъ началахъ нѣтъ еще на лицо ни объективныхъ, ни субъективныхъ предпосылокъ. О „незрѣлости“ современныхъ капиталистическихъ обществъ, въ смыслѣ неподгото-

вленности ихъ для переустройства въ социалистическія, неустанно твердилъ и самый крупный изъ современныхъ идеологовъ пролетаріата Карль Каутскій, не говоря уже объ Эдуардѣ Бернштейнѣ, усматривавшемъ смыслъ классовой борьбы въ повседневныхъ реальныхъ достиженіяхъ пролетаріата, а отнюдь не въ той конечной рѣшительной его побѣдѣ, которая должна положить конецъ классовому строенію современныхъ обществъ. Такъ обстояло дѣло на родинѣ „научнаго социализма“ — въ Германіи, но и за ея предѣлами нигдѣ не получала перевѣса мысль о возможности немедленной замѣны капиталистическаго строя социалистическимъ. Мысль эта имѣла, конечно, повсюду, не исключая Германіи, немало сторонниковъ, и это поселяло нѣкоторую тревогу въ отвѣтственныхъ политическихъ кругахъ, но до русской революціи никому и въ голову не приходило, что все цивилизованное человѣчество находится предъ непосредственной опасностью крушенія капиталистической культуры подъ ударами тѣхъ недоброжелательныхъ этой культурой джентельменовъ, которымъ надоѣло ждать окончательныхъ итоговъ медленнаго развитія въ сторону предпосылокъ социализма и которымъ хотѣлось бы уже теперь обезпечить человѣчеству болѣе „нормальныя“ условія существованія. Этого, повторяю, никто не подозревалъ, чѣмъ, конечно, и объясняется та колоссальная растерянность, которую обнаружилъ въ наши дни застигнутый врасплохъ буржуазный міръ въ борьбѣ за сохраненіе прежнихъ условій своего существованія. Социализмъ, который въ качествѣ новой общественной системы, долженствующей замѣнить собою существующую капиталистическую, казалось, могъ пріобрѣсти практически жизненное значеніе только для будущихъ поколѣній, вдругъ превратился въ страшный призракъ переживаемаго момента. Можно-ли удивляться при такихъ условіяхъ, что и власть, и капиталистическіе круги, и все вообще, что

въ той или иной мѣрѣ тяготеетъ къ старымъ либеральнымъ основамъ общества, не сумѣли дать надлежащаго отпора внезапному натиску разрушительной стихіи революціоннаго социализма и тамъ, гдѣ обстоятельства сложились менѣе благоприятно, малодушно уступили послѣднему почти всѣ свои позиціи. Сейчасъ буржуазія нѣсколько оправилась отъ удара и начинаетъ постепенно отвоевывать обратно утерянное было вліяніе, но вѣдь еще совсѣмъ недавно можно было опасаться, что смерчъ социализма облетитъ весь міръ, чтобы повсюду водворить тотъ бедламъ, образчикъ котораго мы имѣемъ въ Россіи.

Попробуемъ, однако, отдѣлаться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ опеломляющей картиной „потока и разграбленія“, которымъ подверглись нѣкоторыя изъ современныхъ цивилизацій, чтобы спокойно, не поддаваясь вліянію чувства, слѣдуя исключительно руководительству холоднаго разсудка, выяснить себѣ: 1) имѣется-ли вообще достаточное оправданіе для насильственной замѣны существующей индивидуалистической (либеральной, капиталистической) системы хозяйства еще нигдѣ полностью неиспытанной социалистической (коммунистической) и, 2) если такого оправданія нѣтъ, то какое дальнѣйшее развитіе должна получить современная хозяйственная система въ цѣляхъ болѣе полного приспособленія ея производственной и распредѣлительной функціи къ потребностямъ чело- вѣчества.

Отвѣтъ на эти вопросы получается изъ анализа и критики „научнаго социализма“, который при всемъ разнообразіи направленій социалистической мысли и политическихъ платформъ пролетаріата является единою теоретическою, со временемъ Маркса и Энгельса, непоколебленною основою всего современнаго социальнаго движенія. Къ этому анализу и къ этой критикѣ мы теперь и обращаемся.

Обозначеніе того социализма, о которомъ мы будемъ вести бесѣду въ дальнѣйшемъ, „научнымъ“ принадлежить никому иному, какъ Марксу и Энгельсу. Этимъ именемъ они назвали свою социальную теорію, чтобы противопоставить ее всему предшествующему развитію социалистической мысли, которое было по ихъ мнѣнію ненаучно. Какъ бы возвышенны и геніальны ни были социальныя построенія такихъ умовъ, какъ Платонъ, Кампанелла, Моръ, Овенъ, Сень-Симонъ, Фурье, Каба, Луи Бланъ и пр., съ наукою они не имѣютъ ничего общаго. Всѣ эти построенія лучше всего характеризуются, какъ „утопическій социализмъ“, который сыгралъ свою очень значительную роль въ исторіи человѣческой мысли, но у котораго нѣтъ никакой будущности и нѣтъ ея именно потому, что онъ не удовлетворяетъ требованіямъ научности.

„Утопическій социализмъ“ — это фантазіи различныхъ мыслителей относительно идеальнаго устройства общества, т. е. такого его устройства, которое, по мнѣнію даннаго мыслителя, полнѣе всего отвѣчаетъ запросамъ личности и цѣлямъ общезжитія и является не категоріею исторической необходимости, — потому что тогда его осуществленіе было бы связано съ опредѣленною стадіею развитія общества и для большинства обществъ было бы пока преждевременно, — а безотносительнымъ постулатомъ логики и морали, въ качествѣ какового оно имѣетъ абсолютное значеніе для всѣхъ временъ и народовъ и могло бы быть открыто въ любую эпоху, въ всякой зависимости отъ исторической дѣйствительности. Напротивъ того „научный социализмъ“ — это социальная теорія, пытающаяся выяснить, руководствуясь имѣющимъ историческимъ матеріаломъ, пройденныя обществомъ фазы развитія и господствующую въ этомъ развитіи тенденцію, чтобы на этой основѣ подойти къ вопросу о вѣроятномъ будущемъ современнаго общества.

Устройство общества въ будущемъ является, такимъ образомъ, для научнаго социализма не осуществленіемъ проекта того или другаго философа или квинтэссенціи ряда проектовъ, а новою фазою въ развитіи общества, къ которой мы съ исторической необходимостью приближаемся и въ которую неизбежно войдемъ, какими бы оцѣнками, логическими или моральными, она ни была встрѣчена со стороны философовъ¹⁾.

Но возникаетъ вопросъ, почему же „научный социализмъ“ квалифицируетъ себя именно какъ социализмъ, а не просто эволюціонною или діалектической теоріею общества?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ: социализмомъ онъ квалифицируетъ себя потому, что предвидимая имъ новая фаза въ развитіи общества, та фаза, которая должна неизбежно смѣнить современное капиталистическое общество, въ основѣ своей совпадаетъ съ тѣмъ идеаломъ общественнаго устройства, который рисовался представителямъ утопическаго социализма. То, что тамъ было фантазіей, здѣсь превратилось въ научную гипотезу. То, что тамъ полагали осуществить при посредствѣ пропаганды, здѣсь разсматривается, какъ нѣчто такое, что фатально надвигается само собою въ силу неизбежнаго, подчиняющагося своимъ внутреннимъ законамъ общественнаго процесса. Словомъ, въ обоихъ случаяхъ однородное представленіе о будущемъ устройствѣ общества!

Такое совпаденіе „утопическаго“ и „научнаго“ социализма вселяетъ нѣкоторое недоувѣріе къ послѣднему, въ качествѣ научной теоріи. Не является ли и онъ не болѣе, какъ фантазіей, только въ скрытой, научно замаскированной формѣ?

1) Ср. К. Марксъ, Ницета философіи. Пер. съ франц. С. А. Алексѣева. Изд. 3-е. СПб: 1906, стр. 127.

Представители „научнаго социализма“, конечно, ясно сознають основательность подобнаго скептицизма и прилагають всё старанія къ тому, чтобы не давать ему лишней пищи. Этимъ и объясняется въ извѣстной мѣрѣ та сдержанность, которую они обнаруживаютъ въ выясненіи подробностей будущаго общественнаго устройства, какъ оно имъ представляется съ ихъ эволюціонной или діалектической точки зрѣнія. Не желая дискредитировать своего „будущаго общества“, должествующаго прійти на смѣну капиталистическому, разительнымъ сходствомъ съ социалистическими построениями своихъ предшественниковъ-фантазеровъ, они предпочитаютъ отдѣлываться самыми общими и укзаниями и раскрываютъ свои карты лишь тогда, когда молчаніе могло бы быть истолковано, какъ мистификація. Не малую роль въ этой тактикѣ играетъ, конечно, и страхъ передъ критикой, для которой всякія социальныя построения, какъ бы продуманы они ни были, представляютъ въ высшей степени благодарный матеріалъ. Къ тому же критика легко переходитъ въ вышучиваніе, которое, какъ это доказалъ Евгеній Рихтеръ своей брошюрой „Картинки будущаго“, можетъ быть еще непріятнѣе, чѣмъ серьезная критика. Зnamenательно, что даже такъ назыв. „соціальныя романы“, въ которыхъ будущій социалистическій строй рисуется въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ, и тѣ встрѣчаютъ къ себѣ отрицательное отношеніе со стороны представителей „научнаго социализма“, не исключая тѣхъ случаевъ, когда „соціальныя романы“ ни въ чемъ не грѣшутъ противъ доктрины, какъ напр. извѣстный романъ Беллами „Черезъ 200 лѣтъ“.

Но чѣмъ болѣе представители „научнаго социализма“ боятся упрека въ тождествѣ ихъ „научныхъ“ предвидѣній съ фантастическими мечтаніями представителей „утопическаго социализма“, тѣмъ настойчивѣе они обращаютъ вниманіе на свою особую философію

исторіи и свою особую критику „буржуазной“ политической экономіи, которыя раскрыли имъ оставшіяся до сихъ поръ неизвѣстными тайны будущаго. Ихъ особая философія исторіи — это матеріалистическое пониманіе историческаго процесса, ихъ критика „буржуазной“ политической экономіи — это разоблаченіе внутренней сущности капиталистическаго строя хозяйства и установленіе неизбѣжности его банкротства, вслѣдствіе имманентно присущихъ ему противорѣчій. И то и другое, вмѣстѣ взятое, образуетъ содержаніе марксизма, т. е. ученія, основаніе которому положилъ Карлъ Марксъ въ сотрудничествѣ съ Фридрихомъ Энгельсомъ.¹⁾

Отмѣчу уже здѣсь, что ученіе это представляетъ собою искусную смѣсь элементовъ науки и демагогии и во всякомъ случаѣ слишкомъ тенденціозно, чтобы его можно было считать строго научнымъ, что, однако нисколько не помѣшало ему стать своего рода Новымъ Евангеліемъ въ глазахъ тѣхъ широкихъ трудовыхъ массъ, въ интересахъ возвеличенія которыхъ, какъ грядущихъ освободителей человѣчества, оно создано. Не забудемъ, что успѣхъ ученій обуславливается вовсе не незыблемостью истинъ, возвѣщаемыхъ ими, а тѣмъ, насколько данное ученіе отвѣчаетъ потребности момента. Ученіе К. Маркса и Фр. Энгельса удовлетворяло этому условію въ высшей мѣрѣ. Частный капиталъ, торжествовавшій свою побѣду надъ жалкимъ ремесломъ, надъ самостоятельнымъ производителемъ, для котораго орудія производства были не средствомъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, а только необходимымъ подспорьемъ въ производствѣ, пренебрегаль своими со-

1) Хорошимъ пособіемъ при изученіи марксизма можетъ служить сочиненіе И. Чернышева, „Памятная книжка марксиста“. Пгр. 1918.

ціальними обов'язками; государство медлило съ защитою експлуатируемаго класса, сама же пролетарская масса, вслѣдствіе своей разрозненности, была совершенно безсильна противопоставать капиталу свою коллективную волю. Само собою разумѣется, что въ этихъ условіяхъ ученіе о томъ, что капитализмъ есть такая же преходящая экономическая формація, какъ и всѣ предшествующія ей, что развѣдающія его противорѣчія, обостряясь, должны неминуемо привести къ его паденію, что въ собственныхъ его нѣдрахъ нарождается сила, которая произнесетъ надъ нимъ свой приговоръ, что этой силой является пролетаріатъ, и что ему надо готовиться къ тому, чтобы выступить въ роли повивальной бабки при рожденіи изъ стараго антагонистическаго общества новаго, въ которомъ всѣ противоположности найдутъ себѣ примиреніе, — само собою разумѣется, что такое ученіе не могло не быть подхваченнымъ тѣми милліонами людей, которые считали свое положеніе совершенно безнадежнымъ. „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ стало боевымъ кличемъ международнаго пролетаріата, и мы свидѣтели террора, въ условіяхъ котораго работаетъ сейчасъ частный капиталъ, не можемъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что въ формулахъ научнаго соціализма, хотя бы и совершенно превратныхъ, пролетаріату дано оружіе въ руки, предъ громоносною силою котораго не разъ еще будетъ дрожать буржуазный міръ.

Обратимся, однако, къ анализу этого сыгравшаго такую выдающуюся роль ученія.

Я не берусь, конечно, дать въ настоящемъ докладѣ исчерпывающій обзоръ всѣхъ положеній научнаго соціализма, а тѣмъ болѣе исчерпывающую ихъ критику. Это въ предѣлахъ того времени, которымъ я располагаю, задача совершенно недостижимая. Волей-неволей я долженъ поставить себя въ довольно тѣсныя рамки,

быть въ возможной мѣрѣ краткимъ, останавливаясь только на самомъ существенномъ.

Планъ моего дальнѣйшаго изложенія такой: сначала я коснусь матеріалистическаго пониманія исторіи, а затѣмъ перейду къ разбору ученія, извѣстнаго подъ именемъ „критики буржуазной политической экономіи“.

II. Матеріалистическое пониманіе исторіи. Пролетаріатъ и интеллигенція.

Матеріалистическое пониманіе историческаго процесса (иначе экономическій или социальный матеріализмъ) противопоставляетъ себя идеалистическому его пониманію, согласно которому основнымъ факторомъ исторіи являются измѣненія въ міросозерцаніи людей, въ ихъ идеологіи. Такво, напр., опирающееся на теорію Сень-Симона ученіе Огюста Конта, который различалъ три эпохи въ исторіи человѣческой мысли: теологическую, метафизическую и позитивную и, соотвѣтственно, три смѣняющія одна другую общественныя структуры. Матеріалистическое пониманіе историческаго процесса объявляетъ это ученіе невѣрнымъ и со своей стороны выдвигаетъ тезисъ, что основнымъ факторомъ исторіи являются измѣненія въ матеріальныхъ отношеніяхъ людей, въ способахъ производства и обмѣна, идеологическая же эволюція есть только слѣдствіе этихъ измѣненій; матеріальная основа общества — это его фундаментъ, идеологія только надстройка; когда, иными словами, измѣняется наше матеріальное бытѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются различныя формы нашего сознанія: политика, право, нравственность, религія, наука, философія, все наше міросозерцаніе, но отнюдь не наоборотъ. Что же касается самага меха-

низма общественныхъ измѣненій, то они происходятъ на почвѣ классовой борьбы и революціонныхъ переворотовъ, вслѣдствіе чего вся исторія челоуѣчества, за исключеніемъ первобытной эпохи, представляется ничѣмъ инымъ, какъ исторіей классовой борьбы и слѣдующихъ одна за другой революцій. Это положеніе слѣдуетъ понимать такъ. Въ нѣдрахъ каждой болѣе или менѣе упрочившейся общественной системы зарождаются новые способы производства и обмѣна, требующіе обновленія и идеологическаго строя. Носители идеи этого обновленія, стремясь къ своей цѣли, конституируются въ опредѣленный общественный классъ, т. е. въ общественную группу, объединенную интересомъ уничтожить стѣснительный для нея идеологическій строй, какъ соотвѣтствующій старымъ способамъ производства и обмѣна и не дающій достаточнаго прѣстора для развитія новыхъ. Это заставляетъ конституироваться въ общественный классъ и представителей старыхъ способовъ производства и обмѣна, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго идеологическаго строя, въ результатѣ чего получается классовый антагонизмъ и классовая борьба, протекающая въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, но главнымъ образомъ въ формѣ политической борьбы изъ-за обладанія государственною властью, какъ самымъ могущественнымъ средствомъ для разрѣшенія возникшаго конфликта.

Эта теорія¹⁾, имѣющая нынѣ тѣму адептовъ, подкупаетъ своею стройностью и простотою, но при ближайшемъ разсмотрѣніи она оказывается не менѣе опрометчивой, чѣмъ противоположная ей идеалистическая. Дѣло въ томъ, что если между эволюціею

1) Элементы ея разбросаны едва-ли не во всѣхъ сочиненіяхъ К. Маркса и Фр. Энгельса. Сейчасъ она имѣетъ обширную литературу. Довольно полный указатель къ ней помѣщенъ въ книгѣ Семена Бронштейна* (Троцкаго), „Историческій материализмъ“. Спб. 1908.

экономической и эволюціею идеологической существу-
 етъ подмѣченная „научнымъ социализмомъ“ зависимость
 въ смыслѣ обусловленности культуры духовной куль-
 турою матеріальною, то изъ этого вовсе еще не слѣ-
 дуетъ, чтобы между ними не существовало и обратной
 зависимости (въ смыслѣ обусловленности культуры
 матеріальной культурою духовной). Стоитъ только по-
 ставить вопросъ въ эту плоскость, чтобы односторон-
 ность матеріалистическаго пониманія исторіи стала со-
 вѣршенно очевидной¹⁾.

Чѣмъ низменнѣе, чѣмъ грубѣе идеологія общества,
 тѣмъ зависимость ея, отъ матеріальныхъ условій его
 существованія безспорнѣе. Идеологія варварскихъ на-
 родовъ, бѣдная и грубая, прикована къ ихъ жалкой
 матеріальной обстановкѣ. Въ области политики они
 слѣдуютъ животнымъ инстинктамъ борьбы за существо-
 ваніе. Периодически наступающее абсолютное перена-
 селеніе побуждаетъ ихъ бросаться другъ на друга для
 взаимоуничтоженія и ограбленія. Заслуги верховныхъ
 ихъ правителей измѣряются количествомъ разрушен-
 ныхъ царствъ и отнятой у враговъ добычи. О между-
 народномъ общеніи нѣтъ и рѣчи. Взаимоотношенія
 народовъ исчерпываются военными набѣгами ихъ другъ
 на друга. Въ области правосознанія тѣ же черты зависи-
 мости отъ условій матеріальнаго быта. Крутая мощь
 стихійныхъ силъ, предъ которыми варваръ беспомощно
 склоняется, внушаютъ ему идею абсолютнаго господства
 и абсолютнаго подчиненія. Идея эта полагается въ
 основу отношеній между полами, между родителями и
 дѣтьми, между стариками и молодыми, между хозяе-
 вами и рабочими, между знатными и простыми смерт-
 ными, между правителями и управляемыми. Та же

1) Ср. Туганъ-Барановскій, „Очерки по новѣйшей
 исторіи политической экономіи (СПб., 1903) и его же, „Теорети-
 ческія основы марксизма“ (СПб. 1905).

идея получает преобладаніе въ области религіи и нравственности. Быть религіознымъ значить почитать боговъ, слѣпо исполнять ихъ тайнственную волю, умиловливать бессмысленными жертвами. Быть нравственнымъ значить подчиняться мужу, родителямъ, старикамъ, хозяину, знатымъ, правителю и т. д. и т. д. Во всѣхъ областяхъ сознанія одно и то же. Всюду одна и та же черта зависимости идеологическихъ формъ отъ матеріальной базы.

Но это только на низшихъ ступеняхъ развитія человѣческихъ обществъ. Исторія идеологіи есть исторія постепеннаго освобожденія человѣческаго духа отъ вліянія матеріальнаго момента. Прогрессируя, общественное сознаніе все болѣе и болѣе очищается отъ утилитарныхъ примѣсей. Гиря общественнаго хозяйства все менѣе и менѣе мѣшаетъ ему подыматься къ высотамъ чистаго творчества, не связаннаго матеріальными интересами. При этомъ относительное „значеніе матеріальнаго, хозяйственнаго момента имѣетъ тенденцію не возрастать, а падать по мѣрѣ развитія общества“ (Туганъ-Барановскій) и накопленія въ немъ идеологическихъ цѣнностей, и уже современное человѣчество можетъ съ гордостью указывать на ту „идеологическую надстройку“, которую съ такимъ пренебреженіемъ Марксъ противопоставалъ „фундаменту“, образуемому общественнымъ хозяйствомъ. Въ ней весь смыслъ нашей культуры!

Все это просмотрѣло материалистическое пониманіе исторіи, но оно просмотрѣло еще и другую сторону явленія. Чуть ли не изъ ежедневнаго опыта мы убѣждаемся, какое могущественное вліяніе оказываютъ на прогрессъ общественнаго хозяйства идеальные моменты, тѣ моменты, которые образуютъ ткань общественнаго сознанія: политика, право, нравственность, религія,

наука, философія, искусство и пр. Моменты эти дисциплинируют умъ и волю центрального агента всякой хозяйственной дѣятельности — хозяйствующаго чловѣка; они расширяютъ его кругозоръ, побуждаютъ его дѣйствовать цѣлесообразно, въ точномъ соотвѣтствіи съ законами природы, научаютъ его плодотворно пользоваться силами этой послѣдней и пр. Таковы данныя ежедневнаго опыта. Они говорятъ со всею опредѣленностью о томъ, что не только общественное хозяйство вліяетъ на формы общественнаго сознанія, но что и это послѣднее въ свою очередь вліяетъ на общественное хозяйство, даетъ ему импульсы, которыхъ оно въ себѣ самомъ найти не можетъ. Исторія дополняетъ это наблюденіе. „Воздѣйствіе идеальныхъ моментовъ на общественное хозяйство, вмѣстѣ съ ростомъ духовной культуры и высвобожденіемъ ея изъ путъ матеріальныхъ интересовъ, все увеличивается. Такимъ образомъ общественное хозяйство все болѣе и болѣе становится сложнымъ продуктомъ разнообразнѣйшихъ факторовъ“ (Туганъ-Барановскій).

Въ частности должно быть отмѣчено возрастающее значеніе для экономическаго прогресса науки, чистой и прикладной, и затѣмъ такъ назыв. экономической политики государства.

„Въ своей колыбели наука была создана практическими нуждами чловѣка; но уже давно она вышла изъ этого подчиненнаго положенія и стала, въ свою очередь, могучимъ факторомъ хозяйственнаго прогресса. Познаніе, какъ и хозяйство, есть универсальное условіе всякой дѣятельности чловѣка. На этомъ основано взаимодѣйствіе хозяйства и науки: научное познаніе требуетъ матеріальнаго базиса, создаваемого хозяйствомъ, но и хозяйство предполагаетъ познаніе. Хозяйство есть, слѣдовательно, какъ причина, такъ и продуктъ

науки. Но что особенно важно, роль науки въ этомъ взаимодействіи по мѣрѣ социальнаго прогресса растетъ, а хозяйства падаетъ. Хозяйство становится все болѣе и болѣе не опредѣляющей причиной, а продуктомъ науки“ (Туганъ-Барановскій). Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на значеніе изобрѣтеній и научныхъ открытій въ современной экономической жизни и вообще на ту огромную роль, которая принадлежитъ въ наше время во всѣхъ сферахъ хозяйственной дѣятельности научному познанію. И въ самомъ дѣлѣ, не является ли сейчасъ и сельское хозяйство и индустрія и транспортъ въ значительной степени не болѣе, какъ практическимъ приложеніемъ науки во всевозможныхъ ея развѣтвленіяхъ?

Что касается экономической политики, то она также приобретаетъ все большее и большее значеніе въ качествѣ фактора экономического прогресса. Въ настоящее время нѣтъ отрасли общественнаго хозяйства, въ которую не вмѣшивалась бы экономическая политика своими цѣлями. Она не ограничивается при этомъ только техническими задачами: повышеніемъ производительности хозяйственнаго труда въ различныхъ отрасляхъ его приложенія. Нѣтъ, она ставитъ себѣ и болѣе возвышенную цѣль: осуществленіе социальнаго міра путемъ обезпеченія условій возможно болѣе равномѣрнаго распредѣленія національнаго продукта между отдѣльными классами, участвующими въ созданіи этого продукта, и въ этомъ смыслѣ изъ экономической превращается въ социальную политику.

Едва-ли К. Марксъ и Фр. Энгельсъ, отличавшіеся исключительной проникательностью ума, не сознавали всей необходимости внесенія въ ихъ матеріалистическое пониманіе исторіи поправокъ въ духъ сдѣланныхъ выше замѣчаній. Конечно, они не могли не сознавать этой необходимости, и если они тѣмъ не менѣе съ неумолимою настойчивостью защищали свою

теорію въ ея чистомъ видѣ, то это дѣлалось ими не по упрямству доктринеровъ. Возрастающая роль идеологическихъ моментовъ въ исторіи, ихъ возрастающее вліяніе на матеріальные моменты все болѣе и болѣе выдвигаютъ на первый планъ интеллигенцію и указываютъ на ея выдающуюся историческую миссію¹⁾. Между тѣмъ основоположникамъ научнаго социализма, которые были прежде всего революціонерами и лучшія свои надежды связывали съ натискомъ массъ, важно было отгнать въ приближающейся „соціальной революціи“ значеніе и роль другого класса — пролетаріата, какъ авангарда общественныхъ низовъ. Не интеллигенція, а именно онъ, пролетаріатъ, представитель новыхъ способовъ производства и обмѣна, будто-бы несетъ намъ свѣтъ будущей культуры, заставитъ насъ сдѣлать пресловутый „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“, не взирая на то, что класъ этотъ, подвергаясь эксплуатаціи со стороны буржуазіи, по утверженію самаго К. Маркса, не накопляетъ, а расточаетъ свои силы²⁾. Словомъ, я позволяю себѣ утверждать, что матеріалистическое пониманіе исторіи вытекало у Маркса и Энгельса изъ чисто практической потребности. Призывая пролетаріатъ на опасный путь захвата власти, они должны были вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщать ему, что никакой другой классъ не вступитъ съ нимъ въ конкуренцію, не отгѣс-

1) См. по этому предмету, между прочимъ, книгу Е. Лозинскаго, „Что же такое, наконецъ, интеллигенція?“ СПб. 1907.

2) К. Маркс, „Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie. 1. Band, 4 Aufl. Hamburg 1890, стр. 610 и слѣд. (русск. перев., стр. 565). Ср. Ed. Bernstein, „Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie“. Stuttg. 1899. (Русск. пер. Э. Бернштейнъ, „Историческій матеріализмъ“. Пер. Л. Капцеля. СПб. 1901). Ср. также К. Каутскій, „Бернштейнъ и социаль-демократическая программа“. Пер. съ нѣм. СПб. 1906.

нить его и не используетъ переворота для своего возвышенія и для новаго торжества „гнуснаго“ реформизма.

Что марксизмъ прекрасно понимаетъ опасность (если въ данномъ случаѣ можно говорить объ опасности), которая угрожаетъ пролетаріату со стороны интеллигенціи, какъ мощной, непреоборимой соперницы въ дѣлѣ осуществленія идеаловъ будущаго устройства общества, то объ этомъ свидѣлствуютъ многочисленныя выпады противъ нея, разсѣянныя въ социалдемократической литературѣ. Если послушать современныхъ идеологовъ пролетаріата, то окажется, что интеллигенція — это сбродъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, размѣстившійся на лѣстницѣ общественныхъ положеній между буржуазіей, съ одной стороны, и пролетаріатомъ, съ другой, причемъ сбродъ этотъ ни на какое самостоятельное выступленіе, разумѣется, неспособенъ. Слѣдуя Карлу Каутскому, одна часть этого интеллигентнаго сброда находится въ одинаковыхъ съ буржуазіей жизненныхъ условіяхъ, облегчаетъ ей выполненіе выпадающей на нее экономической функціи или служитъ выразительницей ея политическихъ, социальныхъ и иныхъ тенденцій и, какъ таковая, всецѣло примыкаетъ къ ней и проникается ея антагонизмомъ къ пролетаріату. Другая часть, не смотря на привилегію образованія, тяготеетъ все больше и больше къ пролетаріату. Эта группа заключаетъ въ себѣ всю ту массу образованныхъ работниковъ, которые, вслѣдствіе обостренія взаимной конкуренціи, оказываются вовлеченными въ процессъ социального обнищанія и не имѣютъ никакой надежды упрочить свое положеніе путемъ профессиональнаго объединенія и искусственнаго ограниченія круга конкурентовъ. Сначала эти образованные работники стараются не терять связей съ буржуазіей и цѣною величайшихъ жертвъ сохраняютъ, если недостижимо большее, по крайней мѣрѣ ея внѣш-

ность, но приходитъ часъ, когда просыпается ихъ пролетарское сердце, возникаетъ интересъ къ пролетарской борьбѣ, и они, наконецъ, принимаютъ въ ней дѣятельное участіе. Между этими двумя слоями интеллигенціи, однимъ рѣзко антипролетарскимъ, съ буржуазнымъ образомъ мыслей, и другимъ, съ опредѣленно пролетарскимъ настроеніемъ, расположился еще широкій слой, который не чувствуетъ себя ни пролетарскимъ, ни капиталистическимъ и мнитъ себя внѣ сферы классовыхъ противорѣчій. Этотъ средній слой новаго средняго сословія имѣетъ много общаго по неопредѣленности своего соціального положенія со старой мелкой буржуазіей. Поэтому, его отношенія къ пролетариату такъ же, какъ и послѣдняго къ нему, носятъ нерѣшительный, непостоянный характеръ. Сегодня онъ громитъ алчность капитала, а завтра дурныя привычки пролетариата. Сегодня онъ призываетъ пролетариатъ къ охранѣ своего человѣческаго достоинства, а завтра выступаетъ проповѣдникомъ соціального мира. Но два момента отличаютъ его отъ старой мелкой буржуазіи: одинъ положительный, другой отрицательный. Съ одной стороны, онъ отличается отъ нея своимъ широкимъ духовнымъ кругозоромъ и достигнутой имъ способностью къ абстрактному мышленію. Какъ разъ этому слою всего легче подняться надъ сословной и классовой ограниченностью, возвыситься до благороднаго идеалистическаго чувства внѣ зависимости отъ временныхъ и частныхъ интересовъ, всего легче понять и встать на защиту потребностей всего общества. Но, съ другой стороны, его отличаютъ отъ старой мелкой буржуазіи отсутствіе боевого настроенія. Если мелкая буржуазія, прежде чѣмъ капиталъ перервалъ ея жизненный нервъ, являлась классомъ въ высшей степени боеспособнымъ и полнымъ воинственнаго пыла, то, напротивъ, слой интеллигенціи, о которомъ идетъ рѣчь, совершенно не способенъ къ классовой борьбѣ. Послѣдняя ему прямо ненавистна.

Онъ проповѣдуетъ ея прекращаніе, усматривая въ ней возстаніе, мятежь, революцію. Въмѣсто классовой борьбы онъ рекомендуетъ путь социальныхъ реформъ. (К. Каутскій, „Бернштейнъ и его социаль-демократическая программа“. Цит. изд., стр. 170—178¹⁾).

Цѣль этой довольно еще снисходительной и подобныхъ ей характеристикъ совершенно ясна. Она должна, съ одной стороны, обезкуражить интеллигенцію, лишить ее вѣры въ свои силы и назначеніе, а съ другой стороны, преисполнить гордымъ сознаніемъ своей провиденціальной роли пролетаріатъ и внушить ему побольше осторожности въ сношеніяхъ съ классомъ, который въ рѣшительную минуту борьбы труда съ капиталомъ можетъ выступить съ притязаніями на роль третейскаго судьи между ними въ интересахъ охраны сокровищъ культуры и огражденія общества отъ тяжелыхъ послѣдствій слишкомъ смѣлаго прыжка изъ одного царства въ другое.

III. Ученіе о капитализмѣ, какъ о системѣ, направленной на эксплуатацію труда.

Въ тѣсной связи съ матеріалистическимъ пониманіемъ историческаго процесса, какъ я уже сказала, находится критика „буржуазной“ политической экономіи, предпринятая научнымъ социализмомъ. Критика эта устремилась, прежде всего, на выясненіе истинныхъ источниковъ современнаго капитала, причемъ оказалось, что накопленіе капитала, если оставить въ сторонѣ ограбленіе колоній и тому подобные способы, бывшіе въ ходу въ особенности въ эпоху ран-

1) Ср. К. Каутскій, „Эрфуртская программа.“ Пер. съ нѣм. Изд. Т-ва „Знаніе“. СПб. 1907, стр. 56.

ного капитализма, происходит на почвѣ эксплуатаціи рабочаго класса, являющейся самою сущностью капиталистическаго хозяйства. Мысль эта доказывается очень пространно и тяжеловѣсно — до такой степени тяжеловѣсно, что только благодаря цѣлому ряду талантливѣйшихъ комментаторовъ она стала доступной рабочему классу¹⁾. Послѣдній подозрѣвалъ, конечно, что его эксплуатируютъ, но не зналъ секрета этого фокуса, а „буржуазная“ политическая экономія, если и знала, то намѣренно спутывала понятія, чтобы оберечь отъ упрековъ свою покровительницу-буржуазію. И вотъ, Марксу и Энгельсу пришлось писать равнымъ счетомъ 50 лѣтъ, чтобы, наконецъ, при содѣйствіи многочисленныхъ комментаторовъ, обнаружить „саботажъ“ буржуазной науки предъ всѣмъ пролетарскимъ міромъ. Если, однако, не вдаваться въ детали, то сущность теоріи эксплуатаціи, подробно развитой К. Марксомъ въ 1-омъ томѣ его „Капитала“, чрезвычайно проста и сводится къ слѣдующему.

Живой трудъ является единственнымъ источникомъ цѣнности тѣхъ полезностей, которыя создаются въ процессѣ производства. Рабочій могъ бы, поэтому, претендовать на заработную плату, эквивалентную цѣнности создаваемыхъ имъ полезностей. Между тѣмъ въ дѣйствительности размѣръ его заработной платы таковъ, что онъ получаетъ въ ней только часть этой цѣнности, весь же излишекъ, именуемый Марксомъ „прибавочной цѣнностью“, достается капиталистамъ. Часть этой прибавочной цѣнности присоединяется къ капиталу и вмѣстѣ съ нимъ, уже какъ капиталъ, предназначается для дальнѣйшаго производства, а, слѣдовательно, и для дальнѣйшей эксплуатаціи труда, а остальная часть идетъ въ раздѣлъ между классомъ

1) Новѣйшее нѣмецкое изданіе „Капитала“ заключаетъ въ себя 2109 страницъ!!

тѣхъ же капиталистовъ, съ одной стороны, и всѣми прочими классами общества, съ другой, и служить цѣлямъ непосредственнаго потребленія.

Фр. Энгельсъ называетъ эту теорію величайшимъ открытіемъ научнаго социализма¹⁾, тогда какъ въ дѣйствительности она является вовсе не открытіемъ, а самою подлинною демагогіею. Что рабочій классъ подвергался и продолжаетъ подвергаться эксплуатаціи со стороны класса капиталистовъ, это, конечно, безспорно, и, поэтому, стремленіе пролетаріата стряхнуть съ себя эту эксплуатацію вызываетъ одно только сочувствіе со стороны друзей человѣчества, но утверждать, что трудъ является источникомъ цѣнности создаваемыхъ въ процессѣ производства полезностей, — да еще единственнымъ, — значитъ грубо исказить истину.

Въ процессѣ производства создаются матеріальные предметы, рассчитанные на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, т. е., иначе говоря, матеріальные субстраты цѣнностей и только; что же касается цѣнности, то она создается въ процессѣ обмѣна сложнымъ механизмомъ уравненія спроса и предложенія и къ процессу производства имѣетъ лишь то отношеніе, что такъ назыв. „издержки производства“, въ конечномъ счетѣ сводящіяся къ затратамъ живого человѣческаго труда, служатъ для нея регуляторомъ. Когда цѣнность товара спускается надолго до уровня, при которомъ производителю ничего не достается въ видѣ прибыли или даже получается убытокъ, то онъ сокращаетъ или прекращаетъ свое производство; на рынкѣ количество даннаго товара идетъ на убыль; соотношеніе спроса и предложенія измѣняется въ пользу произво-

1) См. его замѣчательную брошюру: „Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft“ (рядъ изданій). Принадлежащій мнѣ полный переводъ этой брошюры долженъ былъ появиться въ Москвѣ въ концѣ 1918 года, но появился ли — объ этомъ у меня свѣдѣній нѣтъ.

дителя, и въ результатѣ цѣнность товара начинаетъ подыматься и идетъ вверхъ до тѣхъ поръ, пока снова не установится прежнее равновѣсіе. Въ противномъ случаѣ, когда цѣнность товара надолго устанавливается на высокому уровнѣ, обеспечивая производителю исключительныя барыши, производство этого товара, какъ особенно выгодное, расширяется; на рынкѣ обнаруживается изобиліе этого товара; соотношеніе спроса и предложенія измѣняется не въ пользу производителя, и товаръ начинаетъ дешеветъ и дешеветъ до тѣхъ поръ, пока и въ этомъ случаѣ не установится прежнее равновѣсіе, какъ результатъ сокращенія производства. Такимъ образомъ, затраты живого человѣческаго труда являются въ лучшемъ случаѣ только регуляторомъ цѣнности, даже не ея мѣриломъ, потому-что цѣнность предметовъ съ постояннымъ спросомъ, количество которыхъ не можетъ быть произвольно увеличиваемо, приближается къ издержкамъ производства наименѣе благопріятствуемой категоріи производителей, т. е. держится всегда на уровнѣ, который только этой категоріи производителей не обеспечиваетъ исключительнаго дохода, извѣстнаго въ политической экономіи подъ именемъ „дифференціальной ренты“, цѣнность же предметовъ, количество которыхъ можетъ быть неограниченно увеличиваемо, лишь тяготеетъ къ среднему уровню издержекъ производства, но никогда длительно съ нимъ не совпадаетъ. Придавать затратамъ живого труда въ вопросѣ о цѣнности большее значеніе, чѣмъ какое онѣ имѣютъ въ качествѣ регулятора ея, и утверждать, что живой трудъ кристаллизуется въ цѣнность, что послѣдняя имѣетъ ту же субстанцію, что и живой трудъ, являясь „лепешкой“ или „студенемъ“ изъ него, — до этого можно было, конечно, договориться, но можно ли такую метафизику выдавать за науку? Напрасно ортодоксальные марксисты стараются поддержать трудовую теорію цѣнности Карла

Маркса, являющуюся однимъ изъ устоевъ научнаго социализма, ссылкою на то, что будто-бы и Смитъ и Рикардо придерживались по существу той-же теоріи. Ничего подобнаго! Ни Смитъ, ни Рикардо и никто вообще изъ экономистовъ классической школы не отождествляль субстанціонально цѣнность съ трудомъ, какъ это дѣлаетъ К. Марксъ, Фр. Энгельсъ и всѣ ихъ послѣдователи, сознательные и безсознательные, а лишь усматривали въ трудъ (въ издержкахъ производства) тотъ регуляторъ цѣнности, о которомъ я только-что говорилъ.

Но если невѣрна принадлежащая Карлу Марксу трудовая теорія цѣнности, то какъ слѣдуетъ отнести къ прибавочной цѣнности? Существуетъ-ли вообще какого-бы то ни было происхожденія прибавочная цѣнность, которая достается капиталисту? Существуетъ, несомнѣнно, ибо изъ-за чего же, какъ не изъ-за прибавочной цѣнности, старается капиталистъ; какъ, при отсутствіи ея, могло бы происходить накопленіе капитала и за счетъ какого источника покрывались бы расходы капиталиста, не относящіяся къ издержкамъ производства? Но дѣло не въ томъ, существуетъ или нѣтъ прибавочная цѣнность, а въ томъ, какова ея природа. Карлъ Марксъ видитъ въ прибавочной цѣнности ничто иное, какъ неоплаченный живой трудъ; между тѣмъ изъ того, что мною сказано о цѣнности вообще, явствуетъ, что прибавочная цѣнность, будучи частью цѣнности товара, является слѣдствіемъ использованія со стороны капиталиста данныхъ рыночныхъ соотношеній, — преміей за правильность его коммерческихъ калькуляцій, за прозорливость, находчивость и иниціативу. Но если такъ, — если прибавочная цѣнность есть слѣдствіе использованія рыночныхъ соотношеній, то какое имѣется основаніе протестовать противъ присвоенія этой цѣнности капиталистомъ, — называть его кровопійцемъ, паукомъ, вампиромъ, просто эксплуататоромъ и тому

подобными ласкательными именами? Я бы не сказалъ, что для этого нѣтъ никакихъ рѣшительно оснований, т. к. всякій капиталистъ не только продавецъ товара, но и покупатель его, въ частности покупатель живой рабочей силы и, какъ таковой, онъ не упускаетъ, конечно, случая купить эту силу подешевле во вредъ ея носителю. Однако, между этой концепціей и той, которую защищаетъ Карлъ Марксъ, есть колоссальная разница. Изъ всей совокупности его разсужденій, относящихся къ прибавочной цѣнности, видно, что онъ считаетъ ее всю, полностью, цѣнностью, отнимаемой у представителей живого труда, что отнюдь не соответствуетъ дѣйствительности и сильно припахиваетъ демагогіей, хотя можетъ быть это опрометчивое ученіе и вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія субстанціо-нальнаго отождествленія труда и цѣнности.

Увлечшись своей теоріей выкалыванія прибавочной цѣнности изъ труда по найму, Карлъ Марксъ не замѣтилъ сразу, что теорія эта находится въ явномъ противорѣчій съ нѣкоторыми совершенно безспорными фактами. Такъ, прежде всего, какъ согласовать съ теоріей прибавочной цѣнности тотъ фактъ, что капиталисты, имѣя въ этой цѣнности постоянный источникъ наживы, не только не стремятся, ни всѣ вмѣстѣ, ни каждый въ отдѣльности, къ увеличенію числа жертвъ своей эксплуатаціи, но, наоборотъ, принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ тому, чтобы по возможности избавиться отъ необходимости имѣть съ ними дѣло и съ радостью замѣняютъ, когда къ тому представляется случай, живой, потенциально заключающій въ себѣ прибавочную цѣнность трудъ работою машинъ, изъ которой никакой прибавочной цѣнности не возникаетъ. — Какъ согласовать, далѣе, съ той же теоріей тотъ фактъ, что прибыль на капиталъ тяготеетъ во всѣхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ къ одному уровню, къ одной нормѣ, совершенно незави-

симо отъ органическаго состава капитала, т. е. отъ того, какая доля его составляетъ постоянный капиталъ и какая переменный, обращаемый на покупку живого труда. Если изъ двухъ предприятий съ одинаковымъ капиталомъ въ одномъ преобладаетъ постоянный, а въ другомъ переменный капиталъ, то съ точки зрѣнія теоріи прибавочной цѣнности второе предприятие должно было бы давать большую прибыль, чѣмъ первое, на самомъ же дѣлѣ такой разницы въ прибыляхъ предприятий съ одинаковымъ, но различнымъ лишь по своему органическому составу капиталомъ не наблюдается.

Буржуазная политическая экономія, которой горделиво противопоставляетъ себя доктрина Маркса, относя цѣнность и прибавочную цѣнность къ явленіямъ обмѣна, даетъ указаннымъ фактамъ самое естественное объясненіе. Замѣна живого труда работою машинъ выгодна капиталисту, потому-что, удешевляя производство, она, при данной рыночной цѣнности производимаго товара, обѣщаетъ производителю (капиталисту) большую прибавочную цѣнность или болѣе высокую норму прибыли на капиталъ. Тяготѣніе прибылей капиталистическихъ предприятий къ одному уровню также ничего сверхестественнаго въ себѣ не заключаетъ. Если въ какой-нибудь отрасли производства временно устанавливается болѣе высокая или болѣе низкая норма прибыли, то приливъ къ этой отрасли или отливъ отъ нея капитала неизбѣженъ, и въ результатѣ, вслѣдствіе усиленія конкуренціи или ослабленія ея, исключительная, только данной отрасли производства свойственная, норма прибыли, понижаясь или повышаясь, должна будетъ сравняться съ той, которая господствуетъ въ остальныхъ отрасляхъ производства, если, конечно, нѣтъ какихъ либо особыхъ причинъ, обуславливающихъ исключительную норму прибыли въ данной отрасли производства.

Карль Марксъ оставилъ эти факты, находящіеся въ аткомъ кричащемъ противорѣчїи съ его теорїей эксплуатаціи, — теорїей, для обоснованія которой понадобились, какъ мы видѣли, особая теорія цѣнности и особая теорія присвоенія прибавочной цѣнности, безъ объясненія тамъ, гдѣ ихъ слѣдовало объяснить, а именно въ 1-омъ томѣ его „Капитала“. Во 2-омъ томѣ, вышедшемъ черезъ 17 лѣтъ послѣ перваго, уже послѣ смерти Маркса, въ обработкѣ Энгельса, также никакого объясненія ихъ не заключалось, и только въ 3-ьемъ томѣ, появившемся въ той же обработкѣ черезъ 28 лѣтъ послѣ перваго тома, наконецъ оказалось это долгожданное объясненіе. И что-же? Увы! Случилось какъ-разъ то, что должно было случиться. Обѣ знаменитыя теорїи: цѣнности и присвоенія прибавочной цѣнности не выдержали экзамена и провалились. Марксъ вынужденъ былъ для объясненія указанныхъ фактовъ стать на точку зрѣнія буржуазной политической экономїи или, иначе говоря (не признавая этого, конечно), отказаться отъ обѣихъ своихъ знаменитыхъ теорїй. Это признаютъ всѣ безпристрастные изслѣдователи вопроса, и мнѣ не приходится подробнѣе на этомъ останавливаться¹⁾. Двадцать восемь лѣтъ заинтригованные экономисты всѣхъ странъ ждали разрѣшенія неразрѣшимой загадки, дѣлали разныя предположенія, одно другого неудачнѣе, ломали копыя по поводу этихъ предположеній, и все это для того, чтобы въ концѣ концовъ узнать, что Марксъ запутался въ дебряхъ своей же собственной критики буржуазнаго міра и капитулировалъ предъ его наукою, — той самой наукою, которую онъ всю свою жизнь обвинялъ въ шарлатанствѣ и передергиванїи и зло вышучивалъ. Этотъ скандальный провалъ одного изъ устоевъ марк-

1) Ср., напр., главу „Марксизмъ“ въ великолѣпной „Исторїя экономическихъ ученїй“ француза Жид а.

совой доктрины имѣлъ, однако, чисто академическій характеръ, и никакихъ практическихъ послѣдствій изъ него на вытекло, т. к. дѣло было уже сдѣлано: пролетаріатъ ко времени выхода въ свѣтъ 3-ьяго тома „Капитала“ былъ настолько распропагандированъ въ духѣ марксизма, что никакая теоретическая его катастрофа не могла болѣе произвести надлома въ идеологию, которую онъ, пролетаріатъ, себѣ усвоилъ, на что, вѣроятно, и рассчитывалъ Энгельсъ, 28 лѣтъ (извиняюсь за выраженіе) солившій злополучную рукопись.

Разборъ теоріи эксплуатаціи труда былъ бы неполонъ, еслибъ я не отмѣтилъ еще одной ея особенности.

Приписывая труду значеніе единственнаго источника цѣнности, К. Марксъ разумѣетъ не только простой, но также и квалифицированный трудъ, упоминаетъ о болѣшей его производительности и поясняетъ, что всѣ теоремы, относящіяся къ простому труду, примѣнимы также и къ труду квалифицированному, т. к. послѣдній легко можетъ быть редуцированъ къ первому, и что сама жизнь за спиною производителей постоянно производитъ эту редуцію. Сдѣлавъ эти замѣчанія на одной изъ первыхъ страницъ 1-го тома своего „Капитала“, К. Марксъ нигдѣ болѣе на ту же тему не распространяется, и у читателя, который знакомится затѣмъ съ его теоріей цѣнности и теоріей присвоенія прибавочной цѣнности, легко складывается представленіе, что рѣчь въ этихъ теоріяхъ идетъ не обо всѣхъ рабочихъ вообще, такъ или иначе причастныхъ къ производительной дѣятельности, а только о пролетаріатѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. о той массѣ рабочихъ по найму, которыхъ обычно только и противопоставляютъ предпринимателямъ, когда говорятъ о противоположности труда и капитала. И что же въ результатъ получилось? А получилось то, что пролетаріатъ, — тотъ пролетаріатъ, для котораго К. Марксъ является непререкаемымъ авторитетомъ, призналъ себя един-

ственнымъ создателемъ всѣхъ богатствъ и единственнымъ законнымъ претендентомъ на обладаніе ими.

На этой идеѣ не стоило бы останавливаться, еслибъ она не сыграла роковой роли въ соціальныхъ революціяхъ послѣдняго времени и не была безспорнымъ дѣтищемъ научнаго социализма, на которомъ сейчасъ сосредоточено наше вниманіе.

Не только въ пролетарской средѣ, но и въ средѣ марксистски настроенной интеллигенціи часто упускается изъ виду, что хотя связь между трудомъ, какъ причиною, и богатствомъ, какъ слѣдствіемъ, и теряетъ въ своей очевидности и осязательности по мѣрѣ восхожденія нашего отъ болѣе простыхъ формъ труда къ болѣе сложнымъ, отъ грубаго физическаго труда черезъ рядъ ступеней къ утонченному интеллектуальному, однако связь эта не только не ослабляется, но наоборотъ все усиливается. Своеобразный оптический обманъ, съ которымъ мы имѣемъ здѣсь дѣло, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что производительность простого, мускульнаго труда, т. е. труда рабочаго класса, прямо ничтожна въ сравненіи съ производительностью высшихъ видовъ квалифицированнаго труда, характеризующагося, въ противоположность простому труду, преимущественнымъ расходомъ не мускульной, а мозговой энергіи, каковы, напр., трудъ ответственныхъ дѣятелей на поприщѣ государственной и общественной службы, трудъ ученыхъ и литераторовъ, трудъ предпринимателей большого масштаба, трудъ инженеровъ, врачей, артистовъ и пр. Въ вѣкъ удивительнѣйшихъ достижений человѣческой мысли, въ вѣкъ могущества идей, въ вѣкъ грандіозныхъ промышленныхъ начинаній и коммерческихъ комбинацій, въ вѣкъ всякаго рода открытій, изобрѣтеній и чудесъ технчки, неисчислимо увеличившихъ власть человѣка надъ природой и надъ собственною его ограниченностью во времени и пространствѣ, пора было бы, кажется, понять, что главнымъ

источникомъ жизни является теперь вовсе не физическій, а интеллектуальный трудъ, что производительность перваго строго ограничена, тогда какъ производительность втораго безгранична; но скоро ли эти истины восторжествуютъ въ средѣ, въ которой пробужденіе самосознанія сопровождалось, подъ вліяніемъ марксистской пропаганды, гибелью послѣднихъ остатковъ скромности. Не мѣшаетъ имѣть въ виду и то обстоятельство, что простой физическій трудъ, т. е. именно трудъ рабочаго класса, сохраняетъ свое выдающееся мѣсто въ производствѣ только вслѣдствіе того, что геній человѣчества еще не успѣлъ сдѣлать послѣднихъ шаговъ въ дѣлѣ овладѣнія силами природы и не довелъ пока механическихъ средствъ производства до полного совершенства, являясь въ этомъ смыслѣ факторомъ хозяйства, значеніе котораго съ теченіемъ времени будетъ все убывать, тогда какъ интеллектуальный трудъ, т. е. трудъ непролетарскихъ классовъ, значенія своего не только никогда не теряетъ, но еще увеличитъ его во много разъ.

Итакъ, внушенная пролетариату Карломъ Марксомъ мысль о томъ, что создателемъ всѣхъ богатствъ является рабочій классъ и что ему, поэтому, и должны принадлежать эти богатства, лишена всякой основательности. То же пришлось бы сказать о подобной претензіи, еслибъ она была заявлена непролетарскими классами, хотя интеллектуальный трудъ и является неизмѣримо болѣе обильнымъ источникомъ матеріальнаго благополучія человѣчества, чѣмъ простой физическій трудъ. Но не слѣдуетъ слишкомъ углублять этого вопроса. Достаточно, если мы скажемъ, что все трудоспособное общество, за исключеніемъ абсолютныхъ бездѣльниковъ, которые повсюду составляютъ ничтожное меньшинство и къ которымъ никакъ нельзя причислить ни организаторовъ хозяйственной дѣятельности, т. е. предприни-

мателей въ широкомъ смыслѣ слова, ни тѣмъ болѣе всѣхъ содѣйствующихъ своимъ интеллектуальнымъ и артистическимъ трудомъ успѣху этой дѣятельности, т. е. интеллигенцію, участвуетъ въ созданіи богатствъ, вслѣдствіе чего и нѣтъ такого класса, который бы не имѣлъ права на большую или меньшую часть продукта совокупныхъ усилий всего общества.

IV. Ученіе о капитализмѣ, какъ о системѣ противорѣчій.

Что касается, далѣе, противорѣчій капиталистическаго строя хозяйства, о которыхъ съ такимъ злорадствомъ распространяется „научный социализмъ“, то они могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ шести пунктахъ:

- 1) планомѣрность частныхъ хозяйствъ и анархичность общественнаго;
- 2) общественный характеръ производства и индивидуальный присвоенія продукта;
- 3) общность производительной задачи у буржуазіи и пролетаріата и непримиримая противоположность ихъ интересовъ въ области распредѣленія національнаго продукта, — противоположность, получающая свое выраженіе въ прогрессивномъ нарастаніи богатства на сторонѣ бездѣльничавшаго класса (т. е. буржуазіи) и въ явленіи прогрессивнаго обнищанія на сторонѣ класса, изнемогающаго подъ тяжестью труда (т. е. пролетаріата), откуда все возрастающій антагонизмъ этихъ классовъ и конфликты, нарушающіе спокойное теченіе хозяйственной жизни;
- 4) концентрація капиталовъ на почвѣ „побиванія менѣе сильныхъ капиталистовъ болѣе сильными“ и численный ростъ пролетаріата, сопровождающійся ро-

стомъ его сознательности и организованности, которымъ суждено сыграть рѣшительную роль въ послѣдней схваткѣ капитала и труда, когда огромной арміи обездоленного, но проникнутаго сознаниемъ своей мощи пролетаріата будетъ противостоять ничтожная горстка капиталистовъ-архимилліонеровъ съ призрачнымъ правомъ на свои богатства;

5) повелительныя для каждаго предпринимателя въ отдѣльности, въ виду условій конкуренціи, а) безпрестанное совершенствованіе механическаго оборудованія предпріятій и б) такое же расширеніе производства для достиженія большей экономіи въ издержкахъ послѣдняго, какъ неустраняемая причина періодическихъ кризисовъ съ ихъ затрудненіями въ сбытъ произведенныхъ въ чрезмѣрномъ (по сравненію съ ёмкостью рынка) количествѣ товаровъ, — кризисовъ, которые требуютъ сокращенія производства и роспуска части рабочихъ и знаменуются массовыми раззореніями предпринимателей и бѣдствіями пролетаріата, и

6) неудержимое стремленіе капиталистическаго хозяйства, выросшаго на почвѣ частной инициативы и свободной конкуренціи, къ формамъ предпріятій, въ которыхъ предприниматели становятся лишними и уступаютъ свое мѣсто должностнымъ лицамъ, а принципъ дѣятельности образуетъ не конкуренція, а монополія.

Объ этихъ противорѣчіяхъ неустанно твердилъ Марксъ и Энгельсъ, и примѣру ихъ слѣдуетъ вся необъятная масса марксистовъ, вызывая тошноту у всѣхъ, кому для профессиональныхъ цѣлей приходится дѣлать приемы этой однообразной и безвкусной діалектической пицци. Я, поэтому, воздержусь отъ подробнаго обсужденія вышеперечисленныхъ „противорѣчій“ капиталистическаго строя хозяйства и ограничусь лишь самыми необходимыми замѣчаніями, которыя все-же, надѣюсь, покажутъ, что и здѣсь подъ плащомъ науки проносится большое количество контрабанды.

1. Теорія анархичности общественнаго

Анархичность общественнаго хозяйства есть въ значительной степени превзойденная его стадія. Объединяясь въ районныя и общенациональныя союзы по специальностямъ для взаимной информации, обмена мнѣніями о своихъ общихъ нуждахъ и представительства своихъ интересовъ и широко пульзуясь профессиональной и общей статистикой, предприниматели научились координировать свои дѣйствія и сообразовывать предложеніе со спросомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ биржи, фондовыя и товарныя, и банки разныхъ типовъ выполняютъ нынѣ свою регулирующую функцію съ такимъ совершенствомъ, что объ анархичности общественнаго хозяйства можно говорить развѣ только по старой памяти¹⁾. Напротивъ того, скорѣе слѣдовало бы удивляться грандіозной правильности, съ какою работаетъ современное общественное хозяйство съ его международнымъ масштабомъ. Малѣйшія и самыя капризныя потребности изысканнаго вкуса — и тѣ удовлетворяются съ математическою точностью. Любители игры словъ могутъ, конечно, называть современное общественное хозяйство „анархичнымъ“, разумѣя неподчиненность его единой руководящей волѣ, но этой фразеологіей они не введутъ въ заблужденіе тѣхъ, кто дорожить сущностью дѣла и кому дѣйствіе „закона цѣнности“ напоминаетъ дѣйствіе закона тяготѣнія въ природѣ, которую, если угодно, можно также называть анархичной.

2. Теорія индивидуальнаго присвоенія.

Индивидуальный характеръ присвоенія, хотя и бесспоренъ, какъ моментъ, дѣйствительно отличающій капиталистическое хозяйство, однако присвоеніе созда-

1) См. мои сочиненія: „Банки“ (СПб. 1904) и „Биржа“ (СПб. 1912).

ваемыхъ въ процессъ производства богатствъ капиталистомъ есть не конечный, а только начальный актъ въ примыкающемъ къ процессу производства распредѣлительномъ процессѣ, который, дробя послѣдовательно получающіяся въ производствѣ богатства, разноситъ ихъ между всѣми непосредственными и косвенными участниками производства, вслѣдствіе чего первоначально индивидуальное присвоеніе быстро превращается въ широко общественное, и противорѣчіе, отмѣчаемое „научнымъ социализмомъ“, исчезаетъ. Отрицать это значитъ не уяснять себѣ разницы между валовой и чистою прибылью предпріятій. Изъ валовой прибыли окончательно присваивается капиталистомъ только та доля ея, которая образуетъ чистую прибыль, остальная же доля присваивается имъ временно, уподобляясь суммамъ, проходящимъ черезъ руки любого кассира. Присваивая юридически и эту долю, капиталистъ ни въ малѣйшей мѣрѣ не обогащается, такъ какъ вся она безъ остатка идетъ на покрытіе разныхъ расходовъ по предпріятію или такъ называемыхъ „издержекъ производства“, куда относится и заработная плата рабочимъ, и жалованье „служащимъ“, и всякаго рода провизіи, куртажи и гонорары, и страховая премія, и расходы на рекламу, и платежи по разнымъ срочнымъ обязательствамъ (въ связи съ наймомъ необходимыхъ предпріятію земельныхъ участковъ, зданій, обзаведеній и пр., а также въ связи съ закупками вспомогательныхъ матеріаловъ и сырья), и текущіе расходы по ремонту, и отчисленія на амортизацію, и налоги, и цѣлый рядъ другихъ расходовъ въ зависимости отъ свойствъ отдѣльныхъ предпріятій. Констатируя это, мы отмѣчаемъ только первую ступень въ процессъ обобществленія валовой прибыли предпріятія, такъ какъ каждая изъ суммъ, на которыя она распадается уже въ рукахъ капиталиста, подвергается дальнѣйшему дробленію, причемъ кругъ лицъ, приобщающихся къ

этому процессу все расширяется, такъ что въ концѣ концовъ все общество со всеми своими многообразными профессіями становится участникомъ первоначально нераздѣльной, индивидуально присвоенной капиталистомъ валовой прибыли. Уже, такимъ образомъ, съ этой стороны утверждение „научнаго социализма“ о существованіи противорѣчя между общественнымъ характеромъ производства и индивидуальнымъ присвоенію не выдерживаетъ никакой критики, но оно оказывается неправильнымъ еще и съ другой стороны, а именно поскольку индивидуальному характеру присвоенія противопоставляется безъ всякихъ оговорокъ общественный производствъ. Последнее несомнѣнно имѣетъ этотъ характеръ, такъ какъ оно зиждется на сотрудничествѣ многообразнѣйшихъ силъ (о чемъ уже была рѣчь выше), но въ такой же мѣрѣ несомнѣнно и то, что въ условіяхъ современнаго капиталистическаго хозяйства всякая производительная дѣятельность есть результатъ индивидуальной инициативы — она индивидуальна въ своемъ замыслѣ, въ своемъ планѣ, въ своемъ темпѣ, наконецъ въ своихъ итогахъ, а потому и самое противопоставленіе ея, какъ общественной, индивидуальному присвоенію не имѣетъ смысла.

3. Теорія обнищанія пролетаріата.

Эксплоатація труда послѣ того, какъ правительства всѣхъ странъ путемъ особаго „соціального“ законодательства нормировали производственныя отношенія, а рабочіе, объединившись, противопоставили капиталистамъ грозную силу массовой воли, утратила прежнюю свою грубую форму вымучиванія изъ рабочаго наибольшей „прибавочной дѣльности“ и выражается теперь скорѣе всего въ томъ, что буржуазія пока еще сохраняетъ командующую роль въ хозяйственной жизни и отъ борьбы

за свои матеріальныя выгоды не отказывается. При такихъ условіяхъ антагонизмъ буржуазіи и пролетаріата зиждется не столько на эксплуатаціи труда, которая все болѣе и болѣе становится миеомъ, сколько на воинственности, свойственной всѣмъ сплоченнымъ массамъ, проникающимся сознаниемъ своей мощи, и на зависти, которую всегда „менѣе приспособленные къ жизни“ питаютъ къ „болѣе приспособленнымъ“¹⁾. Извѣстную роль въ усиленіи антагонистическихъ настроеній, раздѣляющихъ трудъ и капиталъ, играютъ, конечно, и второстепенные факторы: высокомеріе, жадность и жестокость буржуазіи, съ одной стороны, и агитація и пропаганда вожаковъ и идеологовъ пролетаріата, съ другой.²⁾ Вообще, если антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ и существуетъ, то онъ коренится болѣе въ психикѣ сторонъ, чѣмъ въ различіи ихъ реальныхъ интересовъ, которые совпадаютъ въ самомъ главномъ: въ томъ, что капиталъ и трудъ взаимно другъ друга поддерживаютъ въ производствѣ и другъ отъ друга зависятъ. Капиталъ даетъ инициативу, организацію и средства производства, трудъ — необходимую живую силу. Эксплуатація капиталомъ труда, какъ и трудомъ капитала (что все болѣе и болѣе

1) К. Каутскій смотритъ на дѣло, разумѣется, иначе: „Рабочій-пролетарій не завидуетъ богачу, онъ не желаетъ быть на его мѣстѣ; онъ ненавидитъ и презираетъ его; ненавидитъ какъ эксплуататора и презираетъ какъ трутня. Сначала онъ ненавидитъ только того капиталиста, съ которымъ непосредственно имѣетъ дѣло, но скоро онъ начинаетъ сознавать, что всѣ капиталисты одинаково относятся къ нему, и его первоначальная личная ненависть развизается въ сознательную вражду ко всему классу капиталистовъ.“ — „Эрфурт. прогр.“ То же изд. стр. 157.

2) Фр. Энгельсъ не скупился на такія заявленія: „При современныхъ условіяхъ рабочій можетъ сохранить свое достоинство, только ненавидя буржуазію и возмущаясь противъ нее“. — „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“! Пер. съ нѣм. СПб. 1905, стр. 231.

входить въ практику капиталистическихъ отношеній), можетъ доставлять сторонамъ только временная выгода, постоянныя же вытекаютъ изъ ихъ взаимнаго восполненія. Благополучіе буржуазіи въ значительной степени зависитъ отъ того, теряетъ ли или выигрываетъ въ своей „эволюціонной цѣнности“ трудъ, участвующій въ производствѣ богатствъ, т. е, иначе говоря, совершенствуется ли вмѣстѣ съ техникою производства также и рабочій, трудъ котораго долженъ быть на уровнѣ требованій этой техники. Въ экономически передовыхъ странахъ это давно понято капиталистами, вслѣдствіе чего тамъ наблюдается среди послѣднихъ совершенно опредѣленная тенденція не только не препятствовать осуществленію стремленій рабочаго класса къ улучшенію своего быта и условій своего труда, но и всемѣрно содѣйствовать этому осуществленію, какъ о томъ свидѣтельствуетъ социальная практика наиболѣе просвѣщенныхъ предпринимателей. Что касается, затѣмъ, обратной заинтересованности рабочаго класса въ эволюціи капитализма отъ примитивныхъ къ болѣе законченнымъ его формамъ, то это также фактъ вполне установленный. Въ условіяхъ указанной эволюціи рабочій классъ выигрываетъ не только вслѣдствіе необходимости приспособленія къ прогрессирующей техники производства, но также и притомъ главнымъ образомъ благодаря тому обстоятельству, что по мѣрѣ своего развитія капитализмъ все болѣе и болѣе брезгаетъ такимъ источникомъ обогащенія, какъ эксплуатація труда, предпочитаая ему другой, значительно болѣе обильный, а именно спекуляцію съ ея неограниченными возможностями — отъ простаго использованія выгодныхъ конъюнктуръ до грандіознаго воздѣйствія на рынокъ путемъ соотвѣтствующихъ нормировокъ производства и сбыта. — Нельзя, однако, отворачиваться отъ того факта, что современнымъ капиталистическимъ обществамъ дѣйствительно свойственна противоположность

„жирнаго“ и „тощаго“ народа¹⁾. Жирный народ — это буржуа, капиталисты, работодатели и их присные; тощій народъ — это пролетаріи, рабочій людъ, наймиты. Первые живутъ въ роскошныхъ хоромахъ, вкусно ѣдятъ и пьютъ, элегантно одѣваются и веселятся на всѣ лады; вторые живутъ, если и не обязательно въ подвалахъ и мансардахъ, то во всякомъ случаѣ въ значительно болѣе скромныхъ жилищахъ, довольствуются необходимой пищей, одѣваются просто и не знаютъ утонченныхъ радостей жизни. Нельзя также отрицать и того, что характерное для капиталистическихъ обществъ неравенство въ распредѣленіи жизненныхъ благъ дѣлаетъ ихъ очень мало похожими на тѣ социальныя идилліи, которыя рисовались пылкому воображенію разныхъ друзей чело-вѣчества съ маниловскою закваскою. Но что отсюда слѣдуетъ? Значить ли это, что капиталистическія общества нежизнеспособны? Ни въ какомъ случаѣ. Неравенство достатковъ есть вещь самая естественная, поскольку оно вытекаетъ изъ неравенства свойственныхъ людямъ талантовъ. Различія въ дарованіяхъ людей слишкомъ велики, чтобы можно было пренебрегать этими различіями при распредѣленіи жизненныхъ благъ. Мало того, неравенство достатковъ въ извѣстныхъ предѣлахъ прямо полезно для общества, т. к. оно побуждаетъ недовольныхъ бороться за улучшеніе своего положенія, а борьба — это основной нервъ жизни: гдѣ нѣтъ борьбы, тамъ неминуемы вырожденіе и смерть. Въ большое зло неравенство достатковъ превращается при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если оно вытекаетъ изъ неравенства формальнаго, неравенства передъ закономъ; 2) если оно поддерживается фактическимъ засиліемъ болѣе обеспеченныхъ надъ менѣе обеспеченными; 3) если, побуждая

1) Изъ не-марксистовъ особое вниманіе этой противоположности удѣляетъ Генри Джоржъ въ своей знаменитой книгѣ „Прогрессъ и бѣдность“ (есть русск. переводъ).

однихъ къ излишествамъ, а другихъ лишая самаго необходимаго, оно парализуетъ дѣйствительныя силы общества; 4) если оно ведетъ къ наслѣдственному закрѣпленію соціальныхъ положеній и 5) если, при все увеличивающейся полярности этихъ положеній, оно сопровождается процессомъ обнищанія массъ. Всѣ эти условія были какъ разъ на лицо въ періодъ первоначальныхъ завоеваній капитализма, въ тотъ періодъ, къ которому собственно и относятся изслѣдованія К. Маркса и Фр. Энгельса, если не считать послѣднихъ ихъ работъ. Въ настоящее же время о нихъ говорить не приходится. Равенство передъ закономъ не только гарантируется конституціями, но и освящается жизненною практикою: буржуа и пролетарій во всѣхъ отношеніяхъ равноправные граждане. О фактическомъ засиліи буржуазіи также не можетъ быть рѣчи — перевѣсъ силы теперь скорѣе на сторонѣ сѣорганизовавшагося и защищеннаго специальнымъ законодательствомъ пролетаріата. Измѣнившемуся соотношенію силъ соотвѣтствуетъ теперь и иное распредѣленіе благъ между капиталистами и рабочими. Капиталисты стали, правда, еще богаче, чѣмъ они были, но зато и рабочіе не довольствуются болѣе прежнимъ нищенскимъ уровнемъ жизни (standart of life). Если не повсемѣстно, то въ экономически передовыхъ странахъ во всякомъ случаѣ ихъ матеріальное положеніе вполне удовлетворительно, а потому неравенство въ достаткахъ, продолжая существовать, не ведетъ болѣе къ истощенію силъ общества, какъ это было раньше. Наслѣдственность соціальныхъ положеній при такихъ условіяхъ должна была равнымъ образомъ стать достояніемъ прошлаго. Для самого пролетарія восхожденіе по соціальной лѣстницѣ представляетъ еще значительныя трудности, т. к. такое восхожденіе предполагаетъ пріобрѣтеніе новыхъ техническихъ навыковъ и новыхъ знаній, но для подростающаго пролетарскаго поколѣнія, при той доступности и низшей, и средней,

и высшей школы, какъ специальной, такъ и общеобразовательной, которая обеспечивается населенію современнымъ государствомъ, какихъ либо серьезныхъ препятствій къ выходу изъ пролетарскаго состоянія не существуетъ, и лицъ, вышедшихъ изъ пролетарской среды, мы встрѣчаемъ теперь на всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, вплоть до самыхъ высшихъ, хотя привилегія рожденія и не совсѣмъ еще утратила свое значеніе. Сказанное приводитъ насъ къ заключенію, что нельзя сейчасъ говорить и о прогрессивномъ обнищаніи массъ. Несостоятельность этой теоріи въ ея приложеніи къ развитому капитализму была доказана уже тридцать лѣтъ тому назадъ ревизионистомъ Эдуардомъ Бернштейномъ, и пора было бы, кажется, сдать ее окончательно въ архивъ научнаго соціализма. Карлъ Каутскій, какъ ортодоксальный марксистъ, въ своемъ весьма популярномъ трудѣ, направленномъ противъ Бернштейна и ревизионизма вообще („Анти-Бернштейнъ“) старался спасти эту теорію на почвѣ ограничительнаго ея толкованія, а именно доказывая, что она должна быть понимаема въ смыслѣ теоріи не абсолютнаго, а относительнаго обнищанія пролетаріата (по сравненію съ ростомъ богатствъ буржуазіи), но въ такомъ видѣ эта теорія теряетъ всю свою соль. Если пролетаріатъ абсолютно улучшаетъ свое матеріальное положеніе въ условіяхъ капиталистическаго строя хозяйства и лишь отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ буржуазіи, то указанный строй враждебенъ его интересамъ только въ условномъ смыслѣ, поскольку онъ больше благоприятствуетъ интересамъ буржуазіи, о чемъ правильно судить, безъ учета разницы въ творческихъ способностяхъ обоихъ классовъ, совершенно невозможно. Очень можетъ быть, что, учтя эту разницу, мы вынуждены были бы признать, что пролетаріатъ получаетъ изъ общаго продукта не менѣе того, что ему причитается. Но есть ли хоть какая нибудь возможность произвести этотъ учетъ?

4. Теорія концентраціи капиталовъ.

Говоря о концентраціи капиталовъ, какъ я на этомъ настаивалъ уже въ другомъ мѣствѣ¹⁾, слѣдуетъ различать два процесса: собственно концентрацію капиталовъ и аккумуляцію ихъ. Первый изъ этихъ процессовъ относится къ области производства благъ, а второй — къ области ихъ распредѣленія. Тамъ дѣло касается роста предпріятій, здѣсь роста богатствъ, сосредоточивающихся въ однѣхъ рукахъ. Различіе это не имѣло бы практическаго значенія, если бы оба процесса шли параллельно: еслибы каждый шагъ на пути концентраціи капиталовъ означалъ вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ впередъ на пути аккумуляціи ихъ. Но этого совпаденія въ дѣйствительности нѣтъ. Концентрація капиталовъ опережаетъ аккумуляцію, такъ какъ ростъ предпріятій поддерживается примѣненіемъ къ нимъ различныхъ товарищескихъ формъ, въ частности акціонерной, которая позволяетъ создавать огромныя предпріятія путемъ дробленія ихъ капиталовъ между массою пайщиковъ и кредиторовъ. Такимъ образомъ, если бы все производство страны сосредоточилось въ немногихъ предпріятіяхъ, то это вовсе еще не означало бы, что взаимоуничтоженіе среди капиталистовъ достигло своего естественнаго предѣла, такъ какъ въ этихъ концентрированныхъ предпріятіяхъ участвовало бы, навѣрное, огромное количество всякаго рода капиталистовъ: и крупныхъ, и среднихъ, и мелкихъ, въ особенности послѣднихъ, среди которыхъ, конечно, было бы не мало и рабочихъ. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего фантастическаго, если принять во вниманіе, что капиталы не только концентрируются и аккумуляруются, но и демократизируются. Объ этой сторонѣ дѣло марксисты распространяются неохотно,

1) См. мою вступит. статью къ переводу книги В. Зомбарта, „Промышленный рабочій вопросъ.“ Спб. 1905.

между тѣмъ всякому наблюдателю экономической жизни бросается въ глаза фактъ неудержимаго роста въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства абсолютной численности капиталистовъ всѣхъ категорій, начиная отъ миллионеровъ и кончая мелкими вкладчиками сберегательныхъ кассъ, причемъ участіе чисто пролетарскихъ элементовъ въ этомъ процессѣ является также фактомъ вполне установленнымъ¹⁾. Такимъ образомъ, противорѣчіе, отмѣченное въ пунктѣ 4-омъ, вовсе не является такимъ сногшибательнымъ, какъ думаютъ или хотятъ увѣрить насъ марксисты. Концентрація капиталовъ и пролетаризація массъ, влекущая за собою, какъ учитъ научный социализмъ, образованіе между буржуазіей и пролетаріатомъ непроходимой социальной пропасти, чрезъ которую тщетно старается перекинуть мостъ колеблющаяся между этими противоположностями интеллигенція, въ дѣйствительности очень существенно дополняются третьимъ процессомъ — демократизаціей капиталовъ, которая ведетъ къ возникновенію промежуточнаго класса рантѣе всѣхъ категорій и къ самому подлинному обобществленію крупно-капиталистическихъ предпріятій, т. е. къ явленію, которое не можетъ не быть привѣтствуемо не только сторонниками мирнаго развитія хозяйственной жизни, но и самими социалистами, мечтающими о социальной революціи, долженствующей положить конецъ господству частнаго капитала. — Необходимо еще отмѣтить, что ростъ пролетарской массы, уже теперь сильно задерживаемый процессомъ совершенствованія машинъ и методовъ производства, въ будущемъ въ связи съ тѣмъ же про-

1) Видѣть въ каждомъ пролетаріи непременно „неимушаго“ совершенно неправильно, такъ какъ среди современныхъ пролетаріевъ имѣется изрядное количество мелкихъ, правда, но все же капиталистовъ. Ср. Густавъ Ле-Бонъ, „Психологія социализма“. Пер. съ фр. Спб. 1908, стр. 444 и слѣд.

цессомъ, которому развитіе науки и техники открываетъ неограниченные горизонты, долженъ прекратиться, причемъ, по логикѣ вещей, слѣдуетъ ожидать наступленія и того момента, когда численность пролетаріата станетъ сокращаться. Этотъ моментъ, если только ранѣе не восторжествуетъ социальная революція (или такъ назыв. „кладерадачъ“), будетъ моментомъ величайшаго торжества капиталистическихъ способовъ производства и обмѣна, — зарей грядущаго преодоленія въ рамкахъ этихъ способовъ помѣхъ, создаваемыхъ имъ враждебною тактикою пролетаріата и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началомъ конца той эксплуатаціи труда, которая справедливо ставится въ вину капитализму. До этого момента еще очень далеко, но научный прогнозъ не можетъ съ нимъ не считаться и не противопоставлять его тому моменту, который такъ популяренъ среди марксистовъ въ связи съ представленіями ихъ о конечномъ результатѣ процесса концентраціи капиталовъ, — результатѣ, который является по меньшей мѣрѣ весьма проблематичнымъ, если не фантастичнымъ, но объ этомъ я уже говорилъ съ достаточной обстоятельностью и останавливаться на той же темѣ, во избѣжаніе повтореній, не буду.

5. Теорія кризисовъ.

Острый характеръ кризисовъ капиталистическаго хозяйства и ихъ правильная періодичность, отмѣчаемая марксистами, также какъ и анархичность указаннаго хозяйства, есть въ значительной степени дѣло прошлаго. Въ настоящее время вѣрнѣе будетъ говорить объ идущихъ другъ другу на смѣну періодахъ высокой конъюнктуры, когда хозяйственная жизнь оживляется, и низкой конъюнктуры, когда она становится вялой, чтобы по истеченіи нѣкотораго времени снова оживиться и т. д., причемъ смѣну высокой конъюнктуры низкой отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ теперь въ видѣ опешеломляющаго крушенія или „краха“ наподобіе того,

какъ рушатся зданія, погребаяющія подъ своими развалинами все, что въ нихъ въ моментъ обвала находилось — и имущество и людей. Смѣна конъюнктуры въ современной хозяйственной жизни — это ея ритмъ, который характеренъ для всей необъятной области явленій какъ внутренняго, такъ и внѣшняго міра, и къ этому ритму все болѣе и болѣе приспосаблиется эластичная организація и денежнаго и товарнаго рынковъ, а также и самыхъ капиталистическихъ предпріятій. Затрудненія со сбытомъ товаровъ не обрываютъ нынѣ производства и не выталкиваютъ, какъ это происходило раньше, цѣлыя арміи рабочихъ на улицу, обрекая ихъ ужасамъ безработицы, а ведутъ лишь къ нѣкоторому его сокращенію, а если этого мало, то и къ дальнѣйшему приспособленію къ условіямъ рынка путемъ перехода на производство „въ запасъ“. Путемъ же уменьшенія отчисленій на амортизацію и использованія запасныхъ капиталовъ удается въ большинствѣ случаевъ сохранить и размѣръ дивидендовъ на уровнѣ, близкомъ къ нормальному, а въ связи съ этимъ и биржевой курсъ акцій, вслѣдствіе чего современные кризисы не несутъ съ собою катастрофическихъ послѣдствій и для широкихъ массъ держателей промышленныхъ (биржевыхъ) цѣнностей; что же касается потребительныхъ круговъ, то они даже выигрываютъ отъ временнаго пониженія товарныхъ цѣнъ. Все это показываетъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ для марксистовъ пріемомъ сгущенія красокъ.

6. Теорія самоустраненія буржуазіи и перерожденія конкурренціоннаго капитализма въ монополистическій.

Процессъ самоустраненія буржуазіи отъ непосредственнаго руководства хозяйственной жизнью путемъ привлеченія къ этому дѣлу все въ большемъ и большемъ масштабѣ специалистовъ изъ интеллигенціи, ко-

торымъ доступно, конечно, болѣе глубокое пониманіе соціальныхъ обязанностей капитала, благопріятенъ пролетаріату, и если тѣмъ не менѣе процессъ этотъ отмѣчается марксистами, то исключительно въ качествѣ явленія, могущаго служить доказательствомъ наступленія условій, дѣлающихъ буржуазію „лишнимъ“ классомъ. И дѣйствительно, во всѣхъ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ строемъ наблюдается появленіе обширнаго класса „рантье“, которые живутъ доходомъ отъ своихъ денежныхъ капиталовъ и занимаются только тѣмъ, что слѣдятъ за движеніемъ биржевыхъ курсовъ, чтобы во-время купить или продать ту или другую бумагу для подкрѣпленія своего онкольнаго счета. Однако, пополненіе этого класса происходитъ далеко не исключительно за счетъ буржуазіи, а за счетъ всѣхъ классовъ, въ томъ числѣ и пролетаріата. Правда, прочіе классы даютъ менѣе крупныхъ рантье, но зато они даютъ ихъ въ большемъ количествѣ. Значитъ ли это, что эти классы также самоустраиваются, что они лишніе? Очевидно, что вопросъ о томъ, является ли данный классъ лишнимъ или нѣтъ, рѣшается не такъ просто. Признать буржуазію лишнимъ классомъ можно было бы лишь при томъ условіи, еслибъ, вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ измѣненій въ общественномъ хозяйствѣ, та экономическая функція, которую она выполняетъ, утратила свое практическое значеніе, какъ это случилось, напр., съ профессіей ямщиковъ послѣ распространенія парового транспорта; но ничего подобнаго о буржуазіи утверждать, очевидно, нельзя, хотя она и пополняетъ собою ряды рантье. Если же она все въ большемъ и большемъ масштабѣ пользуется услугами наемныхъ управляющихъ своими дѣлами, то это свидѣтельствуетъ какъ-разъ объ обратномъ: экономическая функція буржуазіи стала настолько сложной и отвѣтственной, что она уже болѣе не справляется съ нею

своими собственными силами и нуждается въ помощи. И всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ грандіознымъ размахомъ современныхъ предприятий, поспѣшитъ согласиться съ этимъ выводомъ. Буржуазія — это вовсе не классъ „трутней“, какъ любятъ ее квалифицировать марксисты, а, наоборотъ, классъ людей, несущихъ огромный трудъ, и несущихъ его не только изъ-за наживы, но и по внутреннему побужденію къ дѣятельности, которое никогда не оставляетъ тѣхъ, кого природа надѣлила творческими способностями. Можно приписывать буржуазіи какіе угодно пороки, но только не лѣнь и не праздность, въ которыхъ она поистинѣ совершенно неповинна.

Другое отмѣченное въ 6-омъ пунктѣ противорѣчіе капиталистическаго строя хозяйства дѣйствительно очень серьезно, настолько серьезно, что даетъ основаніе усматривать въ немъ тотъ камень преткновенія, который окажется роковымъ для современной системы хозяйства, характеризующейся господствомъ частнаго капитала, и поставить на очередь вопросъ о необходимости замѣны ея новою экономической системою, болѣе согласованною съ общественнымъ интересомъ. Здѣсь мы не можемъ не отдать должнаго Н. Ленину (Вл. Ильину), который, широко использовавъ данныя, касающіяся новѣйшихъ успѣховъ капитализма въ передовыхъ странахъ европейско-американскаго міра, въ своей небольшой, но содержательной книжкѣ „Империализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма“ (Спб. 1917), все вниманіе свое сосредоточиваетъ именно на указанномъ роковомъ противорѣчьи: перерожденіи капитализма, основаннаго на свободной конкуренціи, въ капитализмъ монополистическій. Придавая этой трансформации опредѣляющее значеніе для всего хозяйственнаго уклада, онъ обозначаетъ ея наступленіе новой „империалистической эпохи“ въ экономической исторіи и характеризуетъ эту эпоху слѣдующимъ образомъ: „По своей экономической сущ-

ности империализмъ есть монополистическій капитализмъ. Уже этимъ опредѣляется историческое мѣсто империализма, ибо монополія, вырастающая на почвѣ свободной конкуренціи и именно изъ свободной конкуренціи, есть переходъ отъ капиталистическаго къ болѣе высокому общественно-экономическому укладу. Надо отмѣтить въ особенности четыре главныхъ вида монополій или главныхъ проявленій монополистическаго капитализма, характерныхъ для разсматриваемой эпохи. Во-первыхъ, монополія выросла изъ концентраціи производства на очень высокой ступени ея развитія. Это — монополистическіе союзы капиталистовъ: картели, синдикаты, тресты. Они играютъ громадную роль въ современной хозяйственной жизни. Къ началу XX вѣка они получили полное преобладаніе въ передовыхъ странахъ . . . Во-вторыхъ, монополія произошла изъ захвата важнѣйшихъ источниковъ сырья, особенно для основной и болѣе картелированной промышленности капиталистическаго общества: каменноугольной и желѣзодобывательной. Монополистическое обладаніе важнѣйшими источниками сырыхъ матеріаловъ страшно увеличило власть крупнаго капитала и обострило противорѣчіе между картелированной и некартелированной промышленностью. Въ-третьихъ, монополія выросла изъ банковъ. Они превратились изъ скромныхъ посредническихъ предпріятій въ монополистовъ финансового капитала. Какіе-нибудь 3—5 крупнѣйшихъ банковъ въ любой изъ передовыхъ капиталистическихъ странъ осуществляютъ личную унію банкаго и промышленнаго капиталовъ, сосредоточивая въ своихъ рукахъ распоряженіе миллиардами и миллиардами, составляющими большую часть капиталовъ и денежныхъ доходовъ данной страны. Въ-четвертыхъ, монополія имѣетъ свой источникъ въ колониальной политикѣ. Къ многочисленнымъ старымъ мотивамъ колониальной политики финансовый капиталъ прибавилъ борьбу за

источники сырья, за вывозъ капитала, за „сферы вліянія“, т. е. сферы выгодныхъ сдѣлокъ, концессій, монополистическихъ прибылей и пр., наконецъ, за хозяйственную территорію вообще¹⁾. Эта характеристика монополистическаго капитализма заключаетъ въ себѣ все существенное и въ дополненіяхъ не нуждается. Но спрашивается, обращенъ ли своимъ остриемъ монополистическій капитализмъ противъ пролетаріата? Заключаетъ ли онъ въ себѣ какую-либо особую угрозу ему, по сравненію съ капитализмомъ, основаннымъ на свободной конкуренціи? Если мы примемъ во вниманіе, что эксплуатація труда коренится, съ одной стороны, въ жадности капиталистовъ, а съ другой — въ конкуренціи, которая отпадаетъ въ монополистическомъ капитализмѣ, то послѣдній долженъ быть признанъ нами болѣе благопріятнымъ для интересовъ рабочаго класса, и факты, повидимому, подтверждаютъ это. Въ экономически передовыхъ странахъ, гдѣ все болѣе и болѣе утверждается монополистическій капитализмъ, положеніе рабочаго класса лучше, чѣмъ въ странахъ, находящихся въ переходной стадіи капиталистическаго развитія, тѣмъ болѣе, что монополія вноситъ элементъ планомѣрности въ общественное хозяйство и является такимъ образомъ орудіемъ, направленнымъ противъ „кризисовъ“ съ ихъ печальными послѣдствіями для рабочаго класса. Мы должны, слѣдовательно, признать, что перерожденіе капитализма конкуренціоннаго, — этого, такъ сказать „классическаго“ капитализма, въ капитализмъ монополистическій ведетъ, какъ и нѣкоторыя другія явленія, связанная съ развитіемъ капитализма, къ смягченію той противоположности интересовъ, которая получаетъ свое выраженіе въ

1) Стр. 120 и слѣд. названнаго въ текстѣ сочиненія.

классовой борьбѣ капитала и труда, буржуазіи и пролетаріата. И тѣмъ не менѣе, возвращаясь къ началу нашихъ замѣчаній относительно трактуемаго противорѣчія, мы вынуждены констатировать, что перерожденіе конкурренціоннаго капитализма въ монополистическій приближаетъ всю современную хозяйственную систему къ роковой чертѣ. Она становится невыносимой и должна уступить мѣсто другой. Возражать противъ этого можетъ только тотъ, кому не ясна сущность монополистическаго капитализма. Пережитая конкурренціонная форма капитализма болѣзненно отзывалась на интересахъ пролетарскихъ массъ и, съ одной стороны, вызывала на заступничество государство, а съ другой, заставляла самыя эти массы объединяться и становиться въ позу не только защиты, но и нападенія, въ результатѣ чего капитализмъ сталъ утрачивать свойственныя ему ранѣе хищническія въ отношеніи пролетаріата стремленія. Такой оборотъ дѣла, въ связи съ воочію обнаружившеюся необыкновенною внутреннею силою капитализма¹⁾, сообщалъ посягательствамъ на основы капиталистической системы узкоклассовый характеръ и лишалъ ихъ той широкой популярности, на которую они претендовали. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что охватившее рабочія массы профессиональное движеніе и сейчасъ не во всемъ своемъ объемѣ является социалистическимъ. Такимъ образомъ, даже въ пролетарской средѣ все еще находятся сторонники свободной частной инициативы въ области хозяйства, а про другіе классы и говорить нечего²⁾. Но по мѣрѣ того, какъ конкурренціонный капитализмъ поглащался капитализ-

1) См. по этому поводу: „Манифестъ коммунистической партіи“. Пер. съ вѣм. П. Орловскаго. Пгр. 1917, стр. 37—40.

2) Соціализмъ есть несомнѣнное выраженіе недовольства массъ современнымъ экономическимъ строемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ плодъ ихъ глубокаго невѣжества, о чемъ краснорѣчиво свидѣтель-

момъ монополистическимъ, критическое отношеніе къ основамъ современнаго хозяйственнаго строя постепенно стало находить себѣ почву въ болѣе широкихъ кругахъ, такъ какъ становилось очевиднымъ, что новѣйшій капитализмъ превращается въ заговоръ сравнительно небольшой кучки финансово-промышленныхъ дѣльцовъ противъ всего общества, всего человѣчества. Устраняя капиталистическую конкуренцію и подчиняя своей власти одну отрасль хозяйства за другой, монополистическій капитализмъ диктуетъ свои условія всѣмъ, у кого есть потребности, подлежащія его вѣдѣнію. Онъ даетъ возможность свободнѣе дышать только своимъ сообщникамъ, компенсируя ихъ высокими прибылями и заработками, на всю же остальную массу человѣчества смотритъ какъ на безбрежное овецье стадо, для того только и существующее, чтобы его стригли. Если старый капитализмъ, подъ давленіемъ внутренней конкуренціи, которая была его закономъ и *ultima ratio*, стремился къ расширенію производства и къ пониженію рыночныхъ цѣнъ, то капитализмъ монополистическій, наоборотъ, ограничиваетъ производство, создаетъ всюду искусственный „голодъ“ и „голодные цѣны“. Если, далѣе, уже старый капитализмъ стремился къ захвату внѣшнихъ рынковъ и чужихъ территорій, то онъ дѣлалъ это, чтобы обезпечить себя новыми источниками сырья и завалить своей дешевкой новые круги потребителей, капитализмъ же монополистическій стремится къ тому же самому, чтобы еще расширить и укрѣпить дѣйствіе своей „голодной системы“. Словомъ тутъ мы имѣемъ дѣло не болѣе и не менѣе, какъ съ наглымъ грабежемъ, которому подвергается не тотъ или другой классъ, не та или другая общественная группа, не та или другая часть человѣчества, а всѣ классы, все общество, все ствуетъ та легкость, съ которою соціалистическія идеи совершили свои завоеванія не только среди русской интеллигенціи, но и въ толщѣ русскаго народа.

человѣчество, за исключеніемъ самихъ грабителей и ихъ сообщниковъ¹⁾.

У. Итоги критики научнаго социализма.

И такъ, въ результатъ нашего, бѣлаго обзора основъ научнаго социализма мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ:

1) Совпаденіе основъ будущаго устройства общества, какъ они рисуются научному социализму, съ мечтаніями утопическаго социализма, съ научной точки зрѣнія, плохая рекомендація этимъ основамъ.

2) Монистическое пониманіе исторіи въ духѣ экономическаго или социальнаго матеріализма несостоятельно, такъ какъ на болѣе высокихъ ступеняхъ человѣческой культуры общественная идеологія начинаетъ эмансипироваться отъ вліянія матеріальнаго базиса и пріобрѣтаетъ, по сравненію съ нимъ, все большее и большее значеніе, причемъ усиливается и обратное вліяніе идеологическихъ факторовъ на матеріальную основу.

3) Возрастающее значеніе и такое же обратное вліяніе „идеологической надстройки“ на „матеріальный фундаментъ“ подготавливаетъ для интеллигенціи руководящую роль въ борьбѣ человѣчества за лучшее будущее.

4) Ученіе научнаго социализма о томъ, что сущность капиталистическаго строя хозяйства заключается въ эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей, не болѣе, какъ демагогія, и съ научной точки зрѣнія совершенно несостоятельно.

5) „Противорѣчія“ капиталистическаго строя хозяйства, отмѣчаемая научнымъ социализмомъ, поскольку они дѣйствительно имѣютъ мѣсто, носятъ, за исключеніемъ одного, преходящій характеръ и не оправды-

1) Въ связи съ замѣчаніями въ текстъ ср. Schilder, „Die Entwicklungstendenzen in der Weltwirtschaft“. 2 т. (Berlin, 1912—1915), а также Н. Бухаринъ, „Міровое хозяйство“ (М. 1918).

ваютъ, поэтому, стремленій менѣе благопріятствуемыхъ группъ къ ниспроверженію этого строя.

б) Роковое значеніе для капиталистическаго строя хозяйства имѣеть только одно изъ указанныхъ противорѣчій: перерожденіе капитализма, основаннаго на свободномъ соперничествѣ хозяйственныхъ силъ, въ капитализмъ монополистическій (имперіализмъ). Эта новѣйшая форма капитализма, хотя она и афишируетъ себя какъ форму самозащиты отъ гибельной взаимной конкуренціи и необходимый этапъ по пути осуществленія идеи планомѣрнаго хозяйства, есть по существу организація грабежа, угрожающая всему человѣчеству и, какъ таковая, не можетъ быть терпима.

VI. Государственный капитализмъ.

Въ связи съ формулированными тезисами, ближайшимъ вопросомъ, котораго мы должны коснуться, является вопросъ о хозяйственной системѣ, долженствующей замѣнить собою систему монополистическаго капитализма.

Разсуждая на эту тему, избѣжимъ ошибки утопическаго социализма, увлекающагося фантастическими построениями, и будемъ слѣдовать примѣру научнаго социализма, который вѣритъ въ пришествіе лишь исторически оправдываемой, исторически неизбѣжной хозяйственной формы. Только разсужденія, поставленныя въ эту плоскость, могутъ привести къ положительному результату, и мы ставимъ ихъ, поэтому, именно въ эту плоскость, вполне раздѣляя въ данномъ случаѣ точку зрѣнія научнаго социализма на методъ, котораго надлежитъ придерживаться при изученіи судебъ капитализма. Однако, сейчасъ будетъ видно, что одобряя методъ научнаго социализма, мы отказываемся признать правильнымъ тотъ выводъ, къ которому онъ пришелъ, пользуясь правильнымъ методомъ.

Всѣ противорѣчія, за исключеніемъ одного, которыя научный социализмъ связываетъ съ противоположною капитала и труда, устраняются сами собою въ процессѣ развитія капиталистическихъ способовъ производства и обмѣна, а потому реформа общественнаго хозяйства, направленная противъ этихъ противорѣчій, исторически не являлась бы необходимой; она не вытекала бы изъ исторически данныхъ условій, не оправдывалась бы ими и обѣщала бы весьма проблематичные результаты. Еслибъ она осуществилась, то это была бы осуществленная фантазія, которой можно было бы противопоставить тотчасъ же другую аналогичную фантазію и т. д., но строга діалектика исторіи не потерпѣла бы такого насилія надъ собою и очень скоро возстановила бы себя съ своихъ правахъ. Между тѣмъ именно такую реформу и рекомендуетъ марксизмъ¹⁾: его „будущее общество“ строится на почвѣ полного отрицанія частнаго капитала и труда по найму и даетъ осуществленіе принципу социализаціи (обобществленія) средствъ производства и труда, т. е. бьетъ мимо исторически поставленной цѣли, а потому должно быть признано такою же фантазіей, какъ и всѣ измышленія утопическаго социализма, на что я уже намекалъ въ началѣ своего изслѣдованія.

Иное значеніе мы придадимъ реформѣ, которая будетъ поставлена въ связь съ тѣмъ противорѣчіемъ капиталистическаго строя, которое выражается въ перерожденіи конкурренціоннаго капитализма въ капитализмъ монополистическій. Реформа эта становится все неизбѣжнѣе по мѣрѣ того, какъ нарастаетъ вызывающее ее противорѣчіе. Но характеръ неотвратимости, полную историческую обоснованность, непричастность къ уто-

1) См. между прочимъ: А. Шеффле, „Квинтэссенція социализма“. Пер. съ 13-го нѣм. изд. Ю. Д. Филипова. См. также: А. Бебель, „Будущее общество“. Пер. съ нѣм. К-во „Колоколь“. М. 1905. У К. Маркса, „Капиталь“. Пер. съ нѣм., 2-ое изд. Спб. 1898, 1 т., стр. 667 и слѣд.

пичности она сохраняет постольку, поскольку мѣтить не дальше своей непосредственной цѣли, а именно: подавленія частно-капиталистическихъ монополій. Конкретно это означаетъ, что въ борьбѣ съ указанными монополіями она должна сохранить неприкосновеннымъ весь существующій хозяйственный механизмъ и ограничиться замѣною въ немъ, въ предѣлахъ фактической въ томъ потребности, частнаго распорядительнаго и регулирующаго аппарата такимъ же публичнымъ аппаратомъ, или, иначе говоря, осуществить переходъ къ системѣ государственныхъ монополій. Это было бы осуществленіемъ не социализма, а капитализма въ государственной формѣ, который отнюдь не предполагаетъ немедленнаго упраздненія всякаго частнаго капитала и ни въ какой мѣрѣ не отрицаетъ труда по найму, но является лишь тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть въ силу исторической логики: орудіемъ борьбы съ частно-капиталистическими монополіями въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ эти монополіи дѣйствительно существуютъ или грозятъ образоваться.

Противъ такого „государственнаго капитализма“ нельзя было бы возражать указаніемъ, что, продолжая традиціи современнаго государства, онъ сдѣлался бы такимъ же, какъ и оно, орудіемъ классоваго господства¹⁾, такъ какъ нынѣшняя противоположность класса капиталистовъ и класса рабочихъ все болѣе и болѣе поглащалась бы системою государственнаго капитализма, по мѣрѣ ея распространенія на различныя отрасли народнаго хозяйства. Серьезнѣе было бы указаніе на то, что въ системѣ государственнаго капитализма кроется опасность бюрократизаціи народнаго хозяйства, но съ этою опасностью легко справиться путемъ утвержденія новой хозяйственной системы на широкой демократической основѣ.

1) „Современная государственная власть — это только комитетъ, завѣдывающій общими дѣлами всего класса буржуазіи“. Манифестъ коммун. партіи. Пнт. изд., стр. 37.

Государственный капитализм могъ бы быть сравнительно легко осуществленъ, во-первыхъ, потому, что элементы его имѣются уже и въ современныхъ условіяхъ въ видѣ этакъ стазированныхъ желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа, телефона, частью банковаго и страхового дѣла, нѣкоторыхъ отраслей промышленности и торговли и пр., а, во-вторыхъ, въ виду именно принципиальной и практической совмѣстимости его съ частнымъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ и вообще съ частно-хозяйственной системой, что позволило бы соблюсти извѣстную постепенность при проведеніи въ жизнь новой системы хозяйства, не обременяя чрезмерно государственнаго казначейства и по возможности избѣгая лишннихъ жертвъ со стороны экспроприруемыхъ.

Однако, для осуществленія началъ государственнаго капитализма въ сколько-нибудь крупномъ масштабѣ и притомъ такъ, чтобы эта реформа не только не причинила ушерба дѣлу удовлетворенія общественныхъ потребностей, но, наоборотъ, обезпечивала извѣстный прогрессъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ только при этомъ условіи она не создавала бы поводовъ для попятныхъ стремленій или къ головокружительнымъ прыжкамъ въ царство коммунизма, необходимо привлеченіе къ руководительству и обслуживанію новой системы людей съ опытомъ и познаніями, — людей, на которыхъ разумно могла бы быть возложена отвѣтственность за успѣхъ дѣла такой сложности. Эти люди могли бы быть найдены во всѣхъ современныхъ общественныхъ классахъ, не только среди интеллигенціи, но было бы безуміемъ, опасаясь засилія этой послѣдней, оттолкнуть ее, чтобы дать дорогу элементамъ, внушающимъ въ этомъ отношеніи меньшія опасенія. Безъ ближайшаго, самаго дѣятельнаго участія интеллигенціи реформа не дастъ удовлетворительныхъ результатовъ, но ей будетъ грозить неуспѣхъ и въ томъ случаѣ, если она не встрѣтитъ сочувствія и поддержки широкихъ народныхъ массъ и

не будет подчинена всестороннему контролю демократических учреждений. Важно, поэтому, чтобы система государственного капитализма была не только новой экономической системой, но и новой социально-политической программой, чтобы она полнѣе и шире покровительствовала труду, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ государствами, избѣгавшими слишкомъ широкаго участія въ производительной дѣятельности страны — это, съ одной стороны, и, съ другой, чтобы вся она была обставлена условіями полнѣйшей гласности, чтобы духъ канцелярской тайны и бюрократическаго произвола былъ по возможности ей совершенно чуждъ. Безъ этихъ предпосылокъ система государственнаго капитализма легко сдѣлалась бы мишенью для пролетарскаго террора и не въ состояніи была бы развиться до полного обнаруженія всѣхъ заложенныхъ въ ней возможностей.

Являясь орудіемъ борьбы противъ монополистическаго капитализма, государственный капитализмъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ былъ бы направляться противъ монопольныхъ предпріятій муниципалитетовъ, т. е. противъ муниципальнаго капитализма или „соціализма“, какъ его обыкновенно называютъ, т. к. предпріятія эти, будучи монопольными, относятся, наравнѣ съ государственными, къ разряду общепользныхъ начинаній, которымъ государственный капитализмъ не могъ бы оказывать противодѣйствія, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою; напротивъ того, онъ долженъ былъ бы оказать имъ всяческую поддержку и покровительство, что именно вполне соотвѣтствовало бы его сущности.

Направленный своимъ остріемъ противъ монополистическаго капитализма государственный капитализмъ измѣнилъ бы своей идеѣ и въ томъ случаѣ, еслибъ сталъ агрессивнымъ не только въ отношеніи монополистическаго капитализма, но вообще въ отношеніи всякаго частнаго предпринимательства. Поскольку

послѣднее способно было бы выдержать конкуренцію государственнаго предпринимательства, оно имѣло бы полное право на существованіе, и подавленіе его равносильно было бы причиненію вреда дѣлу удовлетворенія общественныхъ потребностей. Бережное отношеніе къ частному предпринимательству диктовалось бы еще и тѣмъ соображеніемъ, что частныя предпріятія, вслѣдствіе примѣненія къ нимъ акціонерной формы, все болѣе и болѣе обобществляются и перестаютъ, такимъ образомъ, быть источниками обогащенія для немногихъ счастливыхъ. На эту сторону дѣла слѣдуетъ обратить особое вниманіе, т. к., обобществляясь, становясь достояніемъ не единичныхъ личностей, а широкихъ слоевъ населенія, предпріятія, находящіяся въ этомъ процессѣ, перекидываютъ мостъ черезъ пропасть, раздѣляющую буржуазію и пролетаріатъ. Экономическая политика, стоящая на высотѣ своей задачи, должна была бы содѣйствовать указанному обобществленію частныхъ предпріятій, способствуя тѣмъ осуществленію социальнаго мира, котораго настоятельно требуютъ интересы цивилизаціи и культуры. Содѣйствіе это могло бы выразиться въ самыхъ различныхъ мѣропріятіяхъ, среди которыхъ особое значеніе имѣли бы слѣдующія:

1) допущеніе въ законодательномъ или административномъ порядкѣ самыхъ малыхъ купюръ для акцій предпріятій, существующихъ въ формѣ акціонерныхъ компаній, что облегчило бы процессъ демократизаціи капиталовъ этихъ предпріятій или, иначе говоря, размѣщеніе акцій ихъ въ широкихъ слояхъ населенія;

2) всемѣрное поощреніе въ населеніи такъ назыв. „тезаураціи“ или образованія денежныхъ запасовъ „на черный день“ путемъ накопленія сбереженій отъ трудового заработка и обращеніе скопляющихся въ сберегательныхъ кассахъ капиталовъ на приобрѣтеніе не государственныхъ фондовъ, а акцій и облигацій частныхъ предпріятій, чтобы этимъ путемъ связать интересы вклад-

чиковъ сберегательныхъ кассъ съ судьбою указанныхъ предпріятій;

3) широкая постановка дѣла охраны труда и улучшенія матеріальнаго быта рабочаго класса, которая должна была бы обезпечить послѣднему самую возможность прогрессивно увеличивать свои сбереженія и свое участіе въ капиталахъ акціонерныхъ предпріятій, и

4) поднятіе уровня интеллигентности и просвѣщенія въ пролетарской массѣ, т. к. только при этомъ условіи можно было бы рассчитывать на пробужденіе въ ней дѣйствительнаго, живого интереса къ обслуживаемымъ предпріятіямъ и готовности воздерживаться отъ выступленій, причиняющихъ вредъ этимъ предпріятіямъ, не говоря уже о томъ, что болѣе высокій уровень интеллигентности и просвѣщенія сблизилъ бы пролетарскую массу съ буржуазіей въ смыслѣ общественнаго положенія и уже въ силу одного этого способствовалъ бы смягченію того антагонизма, который, къ сожалѣнію, раздѣляетъ эти два связанныхъ общностью производительной задачи экономическихъ класса.

Такова, въ общихъ чертахъ, схема той экономической и соціальной политики, которая соотвѣтствуетъ исторически достигнутой ступени капиталистическаго развитія передовыхъ странъ культурнаго міра. Мечты о социализмѣ прежде временны, ибо нѣтъ доказательствъ тому, чтобы мы эволюціоннымъ путемъ дошли до порога этой общественной системы, хотя въ нѣкоторыхъ странахъ и дѣлаются сейчасъ попытки къ ея насажденію. Ближайшее будущее принадлежитъ государственному капитализму. Эта система нужна сейчасъ, какъ противовѣсъ частному монополистическому капитализму съ его антиобщественными тенденціями; въ осуществленіи же социализма нужды нѣтъ, и еслибъ онъ былъ осуществленъ, то оказался бы прыжкомъ въ неизвѣстное, отъ чего упаси насъ, Боже!

